Digitized by the Internet Archive
in 2026

https://archive.org/details/zhizn-orthodox-life_1959-01_1

PRAVOSLAVNAIA ZHIZ
PROCESSED
APR 25 2007
GTU LIBRARY

ПРАВОСЛАВНАЯ ЖИЗНЬ

Orthodox Life

Ежемѣсячное приложеніе къ журналу

„Православная Русь".

1

ЯНВАРЬ 1959 JANUARY

Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y.
U. S. A.

Second-class postage paid at Jordanville, New York.

LIBRARY of the
PATRIARCH ATHENAGORAS
ORTHODOX INSTITUTE

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Слово въ праздникъ Богоявленія Господня приснопамятнаго архіепископа Симона 3
Изъ воспоминаній. Д-ръ А. Тимофіевичъ. 5
Игуменія Софія Покровскаго монастыря города Кіева. Разсказъ ея родной сестры Маріи Евгеньевны Поповой (урожд. Гриневой). 10
Крещеніе Господне. Стихотвореніе М. В. 16
Стихотвореніе М. В. 16
Записи Сергѣя Нилуса, современныя кончинѣ о. Іоанна Кронштадтскаго. 17

Отдѣлъ юношескій и дѣтскій.

Житіе преп. отца нашего Ксенофонта, жены его Маріи и двухъ сыновей ихъ Іоанна и Аркадія. М. В. 23

Училище благочестія.

Приснопамятнаго епископа Игнатія Брянчанинова. О молитвѣ Іисусовой. 29

Выписывайте изъ книжнаго склада монастыря

Законъ Божій

для семьи и школы

со многими иллюстраціями (около 300).

Составилъ **Свящ. Серафимъ Слободской.**

Въ книгѣ 576 страницъ.

Цѣна въ хорошемъ переплетѣ $ 6.-

Приложеніе къ учебнику ЗАКОНА БОЖІЯ того же автора

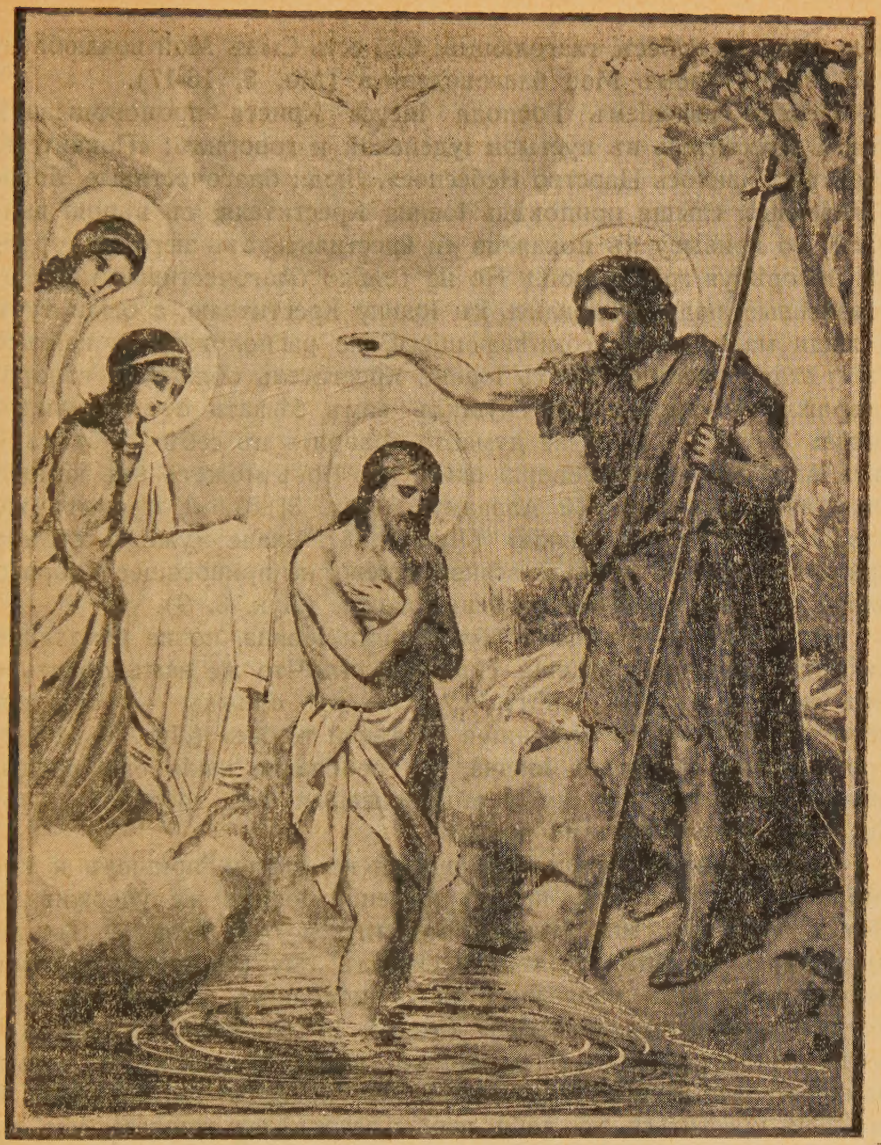
Краткій сборникъ статей апологетическаго содержанія.

(въ помощь родителямъ и воспитателямъ).

Цѣна при учебникѣ 50 ¢., въ отдѣльной продажѣ $ 1.-

Пересылка въ предѣлахъ США — 25 ¢.

Въ Канаду и заграницу — 50 ¢.



Слово въ праздникъ Богоявленія Господня

ПРИСНОПАМЯТНАГО АРХІЕП. СИМОНА, НАЧАЛЬНИКА ДУХОВНОЙ МИССІИ ВЪ КИТАѢ.

6/19 января 1933 г.

Нынѣ праздникъ Богоявленія Господня. Мы празднуемъ то событіе, чрезъ которое Господь Іисусъ Христосъ явленъ былъ міру Сыномъ Божіимъ. «И крестившись, Іисусъ тотчасъ вышелъ изъ воды, и се отверзлись Ему небеса и увидѣлъ Іоаннъ Духа Божія, Который сходилъ, какъ голубь, и ниспускался на Него.

И се гласъ съ небесъ, глаголющій: Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ Которомъ Мое благоволеніе.» (Мѳ. 3, 16-17).

Передъ явленіемъ Господа Іисуса Христа проповѣдывалъ Іоаннъ Креститель въ пустыни іудейской и говорилъ: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное». Люди благочестивые, богобоязненные, слыша проповѣдь Іоанна Крестителя, съ вѣрою внимали его призыву къ покаянію «и крестились отъ него въ Іорданѣ, исповѣдуя грѣхи свои.» Но не только благочестивые и богобоязненные люди собирались къ Іоанну Крестителю, а были тутъ и люди маловѣрные, сомнѣвающіеся, не расположенные каяться въ грѣхахъ своихъ. Такихъ Іоаннъ Креститель обличалъ, говоря: «порожденіе ехидны, кто внушилъ вамъ бѣжать отъ будущаго гнѣва» (Лук. 3, 7). «И не думайте говорить въ себѣ — отецъ у насъ Авраамъ — ибо говорю вамъ, что Богъ можетъ изъ камней сихъ воздвигнуть дѣтей Аврааму» (Лук. 3, 8). «Сотворите же плоды достойные покаянія» (Лук. 3, 8), иначе «уже и сѣкира при корнѣ деревъ лежитъ: всякое дерево, не приносящее добраго плода, срубаютъ и бросаютъ въ огонь» (Лук. 3. 9).

Устрашенные грозными обличеніями Іоанна, но не находящіе въ себѣ словъ для покаянія, спрашивали: «Что же намъ дѣлать?» Онъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: «У кого двѣ одежды — тотъ дай неимущему и у кого есть пища — дѣлай то же» (Лук. 3, 11-14). Грозны были обличенія Іоанна, но требованія, какія онъ предъявлялъ людямъ, были самыя обыкновенныя: онъ требовалъ, чтобы каждый поступалъ по правдѣ.

Среди грѣшниковъ, собиравшихся къ Іоанну, пришелъ и Господь Іисусъ Христосъ, прося крещенія. Іоаннъ же удерживалъ Его и говорилъ: мнѣ надобно креститься отъ Тебя, и Ты ли приходишь ко Мнѣ. Но Іисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: оставь теперь, ибо такъ надлежитъ намъ исполнить всякую правду. Тогда Іоаннъ допускаетъ Его» (Мѳ. 3. 14-15). Какъ бы такъ говоритъ Господь: если Я не приму твоего крещенія, то этимъ дамъ поводъ людямъ сомнѣваться въ правотѣ твоего дѣла. Я долженъ креститься отъ тебя, чтобы засвидѣтельствовать, что ты творишь правду Божію.

«Днесь водъ освящается естество» — поемъ мы сегодня. То есть — нынѣ освящается водное естество. Господь, избравъ воду орудіемъ для таинства крещенія, единожды — Своимъ крещеніемъ во Іорданѣ — освятилъ воду, чтобы во всѣ послѣдующіе вѣка люди — въ таинствѣ крещенія — получали чрезъ нее благодатное обновленіе для вѣчной жизни.

И вотъ намъ знаменіе, что водное естество освящено крещеніемъ Господнимъ: вода, почерпнутая въ день Богоявленія и освященная по церковному чину, не портится въ продолженіе

многихъ лѣтъ. Если бездушное вещество — вода, будучи освящена церковнымъ молитвословіемъ, вопреки обычному порядку въ природѣ не поддается тлетворному дѣйствію окружающаго воздуха, то тѣмъ болѣе мы — души живыя — чрезъ воду Крещенія получаемъ благодатное обновленіе для вѣчной жизни.

Чудо Богоявленской воды не въ томъ, чтобы измѣнялись свойства воды отъ освященія ея въ Церкви. Нѣтъ. А въ томъ, что освященная вода сохраняетъ неповрежденно свою естественную цѣлость, свою естественную свѣжесть. Такъ и обновленіе наше въ водѣ крещенія не въ дарованіи намъ совершенства состоитъ, а въ обновленіи въ душахъ нашихъ естественной простоты и любви къ правдѣ.

Испытайте, православные люди, сердца свои, и вы увидите, что любите правду. Хотя постоянно и мыслями и словами погрѣшаете противъ правды, однако вы любите правду и чтите ее. Это есть свидѣтельство нашего обновленія въ крещеніи.

Намъ, православнымъ людямъ, подобаетъ тщательно хранить эту любовь къ правдѣ и не допускать сознательнаго попранія ея какою нибудь ложью или лукавствомъ. И въ душѣ, которая съ подвигомъ начинаетъ хранить любовь къ правдѣ, не замедлятъ явиться вѣтви добродѣтелей, а потомъ и плоды духовные: «любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе. На таковыхъ нѣтъ закона» (Галат. **5.** 22-23).

А въ комъ обнаруживается склонность ко лжи, къ лукавству, тотъ пусть знаетъ, что это есть признакъ подчиненія волѣ діавала, ибо Господь его назвалъ отцемъ лжи (Іоан. **8.** 44).

Будемъ же побѣждать въ себѣ искушенія ко лжи и лукавству, чтобы не оказаться дѣтьми діавола, но паче будемъ усердно дѣлать правду, чтобы быть носителями Святаго Духа.

Изъ воспоминаній.

Кто долго живалъ въ Обители Кіево-Печерской Лавры, тотъ хорошо знаетъ, сколько потаенныхъ уголковъ скрывалось въ ней. Бывало, достаточно было пройти какъ нибудь, тебѣ одному извѣстнымъ, дворикомъ или проскользнуть черезъ какую нибудь калиточку въ оградѣ, и ты уже въ другомъ мірѣ.

Вмѣсто шумной, многоголосной толпы паломниковъ, столь обычной въ лѣтнее время, вдругъ полная тишина и уединеніе, изумительный видъ на Заднѣпровье съ его заливными лугами, рѣчными протоками, озерами и разбро-

санными вдали селеніями съ тонкой полосой лѣса на горизонтѣ. Глядишь, не наглядишься и только звонъ курантовъ съ лаврской колокольни, каждыя четверть часа мелодично напоминающихъ людямъ, что вотъ еще какой то маленькій отрѣзокъ твоей жизни ушелъ безвозвратно въ вѣчность, говоритъ о томъ, что ты находишься у стѣнъ обители.

Чуднымъ лѣтнимъ утромъ мы съ моимъ большимъ другомъ А. Бородинымъ осторожно пробирались къ одному изъ такихъ уголковъ.

Это было условленное мѣсто встрѣчи съ нашимъ духовнымъ руководителемъ архимандритомъ о. Николаемъ. Здѣсь мы могли безъ помѣхъ одновременно наслаждаться и роскошной панорамой и жадно внимать словамъ нашего наставника — инока съ большимъ житейскимъ и духовнымъ опытомъ. Мой другъ изъ извѣстной музыкальной семьи, молодой доцентъ университета, котораго я познакомилъ со старцемъ, особенно нуждался въ его руководствѣ. Какъ большинство интеллигентовъ, запутавшійся въ дебряхъ всякихъ противорѣчій и не находя того, чего такъ мучительно искала его душа, онъ увлекся теософіей, но и это не давало желаемаго покоя и удовлетворенія.

Тутъ на путяхъ его жизни, по милости Божіей, сталъ о. Николай, руководившій уже цѣлой группой молодежи, и передъ нимъ начало раскрываться все духовное богатство и сокровищница мистическаго опыта св. отцовъ, хранительницей коихъ была св. Церковь. Какъ новый членъ кружка Саша Бородинъ особенно нуждался въ дополнительныхъ разъясненіяхъ нашего руководителя, потому то батюшка и назначилъ отдѣльное время для бесѣды, а я всегда и съ любовью готовъ былъ слушать о. Николая.

Бесѣда закончилась, уходить однако не хотѣлось. Красота природы умиротворяюще дѣйствовала на душу, заставляя забывать въ эти минуты всѣ житейскія невзгоды.

Я воспользовался этимъ и нарушилъ длительное молчаніе.

— Батюшка! — сказалъ я — намъ всѣмъ давно хотѣлось знать какимъ путемъ Господь привелъ васъ къ монашеству, но все какъ то не рѣшались спросить васъ объ этомъ. —

Мы всѣ знали, конечно, что о. Николай въ прошломъ былъ выдающійся морякъ, командиръ одного изъ боевыхъ кораблей русскаго флота, съ блестящей будущностью, лично извѣстный Государю и съ большими родственными связями. Его родной дядя — Акимовъ былъ пресѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Но вотъ какая то неизвѣстная, но повидимому чрезвычайно серьезная причина заставила о. Николая въ корнѣ измѣнить свою жизнь и стать инокомъ.

Естественно, что это обстоятельство насъ крайнѣ интересовало.

Батюшка отвѣчалъ не сразу. Онъ какъ бы мысленно ушелъ своимъ взоромъ въ прошлое, сталъ сосредоточеннымъ и я въ душѣ даже пожалѣлъ, что позволилъ себѣ столь нескромно затронуть личную сторону жизни дорогого батюшки, но мои опасенія быстро разсѣялись, когда о. Николай наконецъ сказалъ:

— Я и самъ собирался кое чѣмъ подѣлиться съ вами, мои дорогіе, изъ моего прошлаго и тѣмъ уподобиться тому старцу, который попавши въ

трясину, грозившую его поглотить, сталъ кричать всѣмъ проходившимъ мимо него: — «Не ходите сюда, а то погибнете какъ я!» —

Долженъ вамъ сказать, что хотя воспитывался я и въ православной семьѣ, но отъ Церкви и ея ученія былъ далекъ. Свѣтская жизнь съ ея постоянными соблазнами и пустотой заглушала и то немногое, что сохранилось съ дѣтскихъ лѣтъ какъ проявленіе религіозности.

Однако, по мѣрѣ того, какъ съ возрастомъ расширялся мой умственный кругозоръ, передо мной неумолимо вставали извѣчные вопросы о смыслѣ и цѣли жизни, о бытіи міра, а изъ прочитаннаго мною удовлетворяющаго меня отвѣта не находилось.

Вотъ и первое мое кругосвѣтное плаваніе молодымъ офицеромъ. Сколько разнообразныхъ впечатлѣній, какая масса новыхъ лицъ и встрѣчъ. И вотъ въ это то время я и познакомился съ такъ называемыми эзотерическими — тайными ученіями востока. Не буду говорить какъ и гдѣ это случилось. Скажу только, что съ этого времени жизнь пошла у меня совсѣмъ по другому руслу. На моемъ пути начали появляться тѣ, кому я безраздѣльно вѣрилъ, какъ носителямъ высшихъ знаній и чьи слова были для меня абсолютнымъ закономъ, какъ бы оправдывая тѣмъ одно изъ основныхъ положеній Эзотеризма: — «Когда ученикъ готовъ, учитель всегда готовъ». —

А между тѣмъ внѣшняя сторона моей жизни — морская служба, которую я очень любилъ, шла своей чередой.

Я всей душой и искренно стремился быть проводникомъ добра, котораго, какъ казалось мнѣ тогда, я былъ испытаннымъ служителемъ. И Господь, такъ крѣпко вѣрую я теперь многогрѣшный, видя мою искренность и не желая гибели моей души, чуднымъ образомъ спасъ меня. А случилось это такъ.

Какъ то получаю я неожиданно срочный вызовъ въ морское министерство.

Разговоръ былъ короткій.

— «На васъ — сказали мнѣ тамъ — возложена чрезвычайно отвѣтственная задача. Намъ крайнѣ необходимо доставить въ одинъ изъ дальневосточныхъ портовъ грузъ минъ. Грузъ совершенно секретный. Приняты всѣ мѣры, чтобы заинтересованныя державы, особенно же Англія, объ этомъ не узнали.

На этотъ разъ вы будете командовать грузовымъ кораблемъ, груженымъ для маскировки лѣсомъ. О маршрутѣ и тѣхъ портахъ, въ которые вы только и имѣете право заходить для погрузки угля, узнаете по выходѣ въ море. Вы понимаете, конечно, какое довѣріе вамъ оказывается и сдѣлаете изъ него соотвѣтствующіе выводы».

Возражать не приходилось. Откланиваюсь и благодарю за довѣріе, хотя на сердце легла большая тяжесть. Не по душѣ была мнѣ эта поѣздка, тѣмъ болѣе, что въ недалекомъ времени должна была состояться моя женитьба на милой дѣвушкѣ, которую я искренно полюбилъ.

Черезъ двѣ недѣли все было готово къ походу. Мои личные сборы были коротки.

Самое необходимое было уложено и я только попросилъ свою вѣрную

нянюшку упаковать книги, которыя я отобралъ для себя, главнымъ образомъ по интересовавшимъ меня тогда вопросамъ.

Но вотъ мы и въ морѣ.

Благополучно прошли Балтику и вышли на широкій просторъ океана.

И вотъ здѣсь то и началось . . . —

На этомъ мѣстѣ разсказа голосъ о. Николая дрогнулъ и въ немъ явно почувствовалось трудно сдерживаемое волненіе, невольно передавшееся и намъ.

— Океанъ — продолжалъ свою рѣчь батюшка — встрѣтилъ насъ штормомъ, какіе не часто приходится видать и намъ, морякамъ.

Двое сутокъ боролись мы со стихіей, напрягая всѣ силы въ этой борьбѣ, но буря не ослабѣвала.

Измученный спустился я къ себѣ въ каюту, чтобы согрѣться хотя бы стаканомъ горячаго чаю. Въ каютѣ былъ большой безпорядокъ, такъ какъ изъ-за качки многія вещи, въ томъ числѣ и книги, выпали на полъ и двигались по немъ.

Съ трудомъ балансируя на ногахъ, я машинально поднялъ первую валявшуюся подъ ногами книгу, раскрылъ ее и мнѣ сразу бросились въ глаза портретъ какого то старца въ монашескомъ одѣяніи и затѣмъ заглавіе книги: «Сказаніе о жизни и подвигахъ старца Саровской пустыни іеромонаха Серафима». Откуда и какимъ образомъ попала эта книга ко мнѣ, я въ эту минуту совершенно не думалъ. Видъ согбеннаго старца, изображенный на первой страницѣ ея какъ то особенно привлекъ мое вниманіе. Мнѣ никогда прежде не встрѣчалось имя іеромонаха Серафима, да вообще о нашихъ подвижникахъ я зналъ очень мало.

Съ трудомъ укрѣпившись на койкѣ, я сталъ читать. Передо мной сталъ раскрываться новый и доселѣ совершенно невѣдомый для меня духовный міръ. Все то, о чемъ я зналъ и видѣлъ въ этомъ отношеніи, такъ не походило на читаемое мною теперь.

Тихій невечерній свѣтъ и миръ душевный, которыхъ такъ жадно искалъ я до сихъ поръ и не находилъ, теперь невыразимой сладостью и невѣдомо какъ, овѣялъ мою душу.

Я кончилъ читать, еще разъ взглянулъ на портретъ старца и невольно прижался губами къ его изображенію. Впервые за много лѣтъ изъ моихъ глазъ полились слезы . . .

Штормъ какъ будто началъ затихать. Я задремалъ, какъ вдругъ кто то осторожно сталъ меня расталкивать. Это былъ мой помощникъ. Блѣдный и встревоженный, онъ прошепталъ: «У насъ большая бѣда, пойдемте! Мина сорвалась съ гнѣзда и катается по трюму».

Мы сбѣжали внизъ. При каждомъ кренѣ судна ясно слышался глухой ударъ о бортъ видимо плохо прикрѣпленной одной изъ минъ и сорванной изъ своего гнѣзда ударами волнъ.

Взрывъ могъ послѣдовать каждую минуту, уничтоживъ корабль со смертоноснымъ грузомъ и всей его командой, къ счастью не сознававшей опасности, такъ какъ это могло бы вызвать страшную панику. Что было дѣлать? Ко-

рабль былъ загруженъ лѣсомъ, добраться до трюма корабля, да еще въ условіяхъ такой непогоды было совершенно невозможно. Если бы совершилось чудо и корабль бы не погибъ, нужно было бы немедленно идти въ ближайшій портъ, которымъ могъ быть только англійскій и куда заходъ секретнымъ приказомъ былъ категорически запрещенъ. Рѣшеніе было единственно возможное — нарушить приказъ и идти въ портъ, пытаясь спасти людей, что я и сдѣлалъ. О своихъ переживаніяхъ мнѣ тяжело и сейчасъ вспоминать, а что было тогда?

Единственнымъ свѣтлымъ лучомъ былъ батюшка о. Серафимъ. Я слишкомъ хорошо зналъ, что случайностей въ мірѣ нѣтъ и что Господь именно въ эту минуту невѣдомымъ мнѣ путемъ послалъ Своего ангела хранителя въ лицѣ о. Серафима. Всю силу моей слабой молитвы вложилъ я тогда, прося угодника Божія спасти насъ отъ вѣрной гибели.

И чудо совершилось несомнѣнное и великое.

Мы дошли благополучно до одного изъ ближайшихъ англійскихъ портовъ и здѣсь вновь милость Божія и молитвы старца Серафима чудесно охраняли насъ.

Не смотря на самый тщательный осмотръ нашего судна портовыми властями ничего найдено не было. Нечего говорить, что послѣ осмотра мы разобрали лѣсъ надъ нашимъ смертоноснымъ грузомъ и здѣсь я воочію убѣдился какъ велика была опасность и наша жизнь буквально висѣла на волоскѣ, еслибы, какъ глубоко вѣрю я, не помогъ преп. Серафимъ.

Закончивъ свое плаваніе я возвращался домой въ радостной надеждѣ устроить свое семейное счастье. Но пути промысла Божія неисповѣдимы. Своей невѣсты я не засталъ въ живыхъ. Велика была моя скорбь, но у меня уже былъ и великій защитникъ преп. Серафимъ, къ чьей помощи я не колеблясь прибѣгъ. Я сразу рѣшилъ ѣхать въ Саровъ и здѣсь на могилѣ батюшки излить свое горе и заодно поблагодарить его за свое чудесное спасеніе. О своемъ пребываніи и переживаніяхъ въ этомъ благодатномъ уголкѣ, а затѣмъ въ Дивѣевѣ и своихъ бесѣдахъ со старцами говорить много не буду. Скажу только, что въ результатѣ всего этого, а особенно послѣ встрѣчи съ блаженной Пашей, вынесшей и вручившей мнѣ игуменскій посохъ, я окончательно принялъ рѣшеніе стать инокомъ. Первымъ моимъ духовнымъ руководителемъ былъ старецъ Геесиманскаго скита Варнава. А затѣмъ по благословенію высшей церковной власти — миссіонерство въ Китаѣ, Тибетѣ, многолѣтнее пребываніе въ Индіи, потомъ настоятельство въ посольскихъ храмахъ Европы, и вотъ теперь, по неисповѣдимымъ путямъ промысла Божія, я опять на Родинѣ въ дорогой моему сердцу Обители. И нынѣ усердно молю Господа, остатокъ дней своихъ скончать въ ней, — такъ закончилъ свой трогательный разсказъ батюшка.

Д-ръ А. Тимофіевичъ.

Игуменія Софія Покровскаго монастыря города Кіева.

Разсказъ ея родной сестры Маріи Евгеньевны Поповой (урожд. Гриневой).

Моя сестра Софія Евгеньевна Гринева — будущая игуменія Покровскаго монастыря — маленькой дѣвочкой уже словно предчувствовала свой жизненный путь.

Въ дѣтствѣ моемъ наша семья жила въ городѣ Бѣлевѣ, Тульской губерніи, гдѣ служилъ мой отецъ. Въ этомъ городѣ былъ женскій монастырь во главѣ съ игуменіей Евгеніей, бывшей гувернанткой нашей семьи. Мы часто посѣщали эту обитель и очень любили игуменію, которая насъ, дѣвочекъ — двухъ сестричекъ — ласкала. Намъ очень нравились монастырскія службы. Мы наблюдали за ихъ порядкомъ и дома въ нашихъ дѣтскихъ играхъ повторяли запомнившееся на обительскихъ богослуженіяхъ. Въ гостинной, гдѣ мы играли, былъ золотой багетъ. Онъ то служилъ намъ, чтобы налѣплять на него маленькія восковыя свѣчечки, но, конечно, мы не смѣли ихъ зажигать. Соня устраивала между двухъ креселъ скамеечку, становилась на нее, одѣвала тальмочку, которая должна была изображать игуменскую мантію. Я же будущей игуменіи съ почтеніемъ кадила катушкою, привязанной на ниткѣ.

Рано мы остались сиротами — двѣ сестры и братъ. Двадцати пяти лѣтъ мама осталась вдовою. Сестру Соню мама отвезла въ Москву, въ Александро-Маріинскій институтъ, что былъ на Пречистенкѣ. Тамъ она училась до послѣдняго класса. Съ юныхъ лѣтъ у моей сестры обнаружился большой талантъ къ пѣнію. Голосъ былъ — красота, силы исключительной. Соня рѣшила поступить въ Кіевскую консерваторію. Въ Кіевѣ жила наша любимая тетя, мужъ которой былъ предсѣдателемъ Кіевской судебной палаты.

Соня послѣдній классъ закончила въ Кіевской Фундуклеевской гимназіи, а потомъ была принята въ Кіевскую консерваторію. Профессора консерваторіи сразу оцѣнили ея исключительный талантъ и готовили ей блестящую будущность оперной пѣвицы. Но даже въ это время ея цвѣтущей, блестящей юности стремленіе къ Богу не покидало ее. Среди свѣтскихъ развлеченій — баловъ, любительскихъ спектаклей, успѣха (она прекрасно танцовала и училась въ балетной школѣ) — Соня вдругъ теряла жизнерадостность, скорѣе свѣтскую веселость, и становилась серьезной, задумчивой и молчаливой. Она бросала всѣ развлеченія, начинала поститься, ходить по церквамъ. А потомъ снова увлекалась свѣтской жизнью, и снова устремлялась къ Богу, вся предаваясь молитвѣ и посту. И такъ повторялось много разъ до ея болѣзни. Господь готовилъ ей путь тернистый иночества, а не блестящій путь мірской славы. Вѣдь человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Повелъ Господь мою Соню Своимъ путемъ.

Случилось такъ. Почти передъ самымъ окончаніемъ консерваторіи, когда сестрѣ было 22 года, она послѣ урока пѣнія не побереглась. Пола-

галось полчаса не выходить на морозный воздухъ. Соня сразу послѣ урока поспѣшила домой. По дорогѣ, встрѣтивши знакомыхъ, весело съ ними разговаривала. Пришла домой жизнерадостная, раскраснѣвшаяся отъ мороза. Но скоро ея юная веселость обратилась въ печаль! Соня черезъ два дня заболѣла дифтерійною ангиною въ очень сильной формѣ, послѣ которой она совершенно потеряла голосъ!

Десять мѣсяцевъ сестра не могла даже говорить. Свои просьбы или вопросы должна была писать. Очень сожалѣли о ея болѣзни профессора консерваторіи. Вернуть ей голосъ было невозможно, несмотря на всѣ усилія самыхъ знаменитыхъ по городу Кіевскихъ и Московскихъ докторовъ. Моя сестра впала въ полное отчаяніе. Нельзя было узнать прежней моей веселой сестрицы! Съ каждымъ днемъ ей становилось все хуже и хуже, и, наконецъ, совсѣмъ плохо. Врачи предполагали у больной туберкулезъ горла и послали ее въ Швейцарію, въ Давосъ. Ничего иного не оставалось дѣлать, какъ согласиться на это далекое путешествіе. Но Господь готовилъ ей иное мѣсто, гдѣ она силою Божественною получила исцѣленіе.

У моей сестры была одна пріятельница — молоденькая дѣвушка, наша сосѣдка по имѣнію, Анна Захарьевна Знаменская. Эта дѣвушка рѣшила съ юныхъ лѣтъ посвятить свою жизнь на служеніе Богу. Она уговорила своего отца выдѣлить ей причитающуюся часть имѣнія и основала на своей землѣ маленькую обитель, сначала только общину, которую начала съ пятью сестрами. Впослѣдствіи эта маленькая община выросла въ Свято-Троицкую обитель, настоятельницей которой была сама Знаменская. Узнавъ о тяжкой болѣзни Сони и объ ея близкомъ отъѣздѣ въ Швейцарію, Знаменская пригласила ее отдохнуть въ ея обители передъ такимъ дальнимъ путешествіемъ. Она хотѣла, чтобы ея любимая подруга набралась силъ среди сосноваго бора, который окружалъ обитель. Кромѣ того, настоятельницѣ очень хотѣлось повидаться съ Соней, проститься съ ней передъ ея отъѣздомъ въ Давосъ. Сестра охотно приняла ея предложеніе и пріѣхала въ общину. Вопреки ожиданіямъ, ее не поправилъ сосновый воздухъ. Состояніе ея здоровья стало быстро ухудшаться, и дѣло дошло до того, что стали бояться за благополучный исходъ ея болѣзни. Настоятельница поспѣшила пригласить къ тяжкоболящей духовника обители, старенькаго священника, для напутствія милой моей сестрицы въ иной, лучшій міръ. На глухой исповѣди (больная говорить не могла) Соня плакала на груди добрѣйшаго старца, который ободрялъ ее и утѣшалъ.

Послѣ Святого Причастія моя сестрица, потрясенная и усталая, тихо заснула. Возлѣ нее дежурила одна сестра. Ночь прошла спокойно. Къ утру сестра проснулась и, къ радости и удивленію дежурной сестры, вдругъ громко произнесла нѣсколько словъ — молитвы Господней. Вскорѣ всѣ сестры и настоятельница узнали о чудѣ и собрались въ келліи больной. Соня заговорила съ ними и попросила позвать къ ней батюшку отслужить благодарственный молебенъ. Исцѣленная даже подпѣвала немного сестрамъ. Думаю, что послѣ этого чуда моя сестрица дала обѣтъ идти въ монастырь,

но она мнѣ тогда не открыла своего рѣшенія. Поправившись совершенно, Соня твердо рѣшила съ Божіей помощью взять на себя крестъ монашескій. Въ обители, гдѣ она исцѣлилась, была казначеей мать Екатерина Менцендорфъ, которая очень полюбила мою сестру. Эта монахиня, весьма энергичная, основала общину «Отрада и Утѣшеніе» и пригласила туда мою сестру въ качествѣ казначеи.

Мнѣ хочется упомянуть и о келейницѣ моей сестры — инокинѣ Марѳѣ. Это была святая, родная душенька. Она вмѣстѣ съ сестрою уѣхала изъ Свято-Троицкой обители въ «Отраду и Утѣшеніе». Сорокъ лѣтъ была она неразлучно съ сестрою, горячо ее любя. Впослѣдствіи ее посвятили въ великую схиму съ именемъ Маргариты. Она раздѣляла съ сестрою всѣ скорби, всѣ мытарства при большевикахъ и отошла ко Господу на вѣчный покой.

Но продолжаю разсказъ о моей сестрѣ. Итакъ Соня поступила въ прекрасную, уединенную общину. Монастырекъ находился въ Калужской губерніи, на берегу рѣки Оки, недалеко отъ города Калуги. Эта обитель, въ честь иконы Пресвятой Богородицы «Отрада и Утѣшеніе», была расположена на горѣ, среди березовой рощи, среди безмолвія нашей родной, милой сердцу природы. Эту чудную, уединенную обитель очень красочно описалъ Поселянинъ въ своей книгѣ «Тихіе пріюты». Въ ней помѣщена фотографія насельницъ этого дивнаго райскаго уголка. Видимъ и снимки этой обители. И недаромъ эта обитель носила названіе «Отрады и Утѣшенія». Люди со скорбями пріѣзжали туда и тамъ находили, дѣйствительно, и отраду и утѣшеніе душамъ, измученнымъ жизнью. Да и больные получали исцѣленіе.

Среди этой божественной тишины отрадно было моей сестрѣ: она нашла то, къ чему стремилась ея нѣжная, возвышенная душа. Инокиня Софія съ радостью пошла узкимъ путемъ монашества. Она обрѣла то, что скрыто отъ людей мірскихъ: въ своемъ отреченіи отъ міра она нашла неземной покой. Среди красоты Божіей природы, въ молитвѣ и постѣ получила она помощь и отраду и утѣшеніе. Она была дѣятельной помощницей настоятельницы, матери Екатерины. А вскорѣ инокиня Софія и замѣнила ее, несмотря на свою юность, т. к. мать Екатерина уѣхала изъ «Отрады и Утѣшенія» въ другую обитель, ею основанную.

Моя сестра, будучи настоятельницей, съ Божіей помощью неустаннымъ трудомъ привела общину къ полному благоустройству — сдѣлала изъ нея прекрасную обитель. Она безъ всякихъ средствъ начала и выстроила съ Божіей помощью черезъ добрыхъ людей чудную церковь, гостинницу для богомольцевъ, трапезную, домики для священника и сестеръ. Устроила при обители пріютъ для сорока дѣвочекъ. Она провела удобную, хорошую дорогу на гору, на которой стояла обитель. Подъ горой, вблизи монастырька, открылся тройной ключъ, подъ названіемъ «Три сестры». Изъ него была проведена на гору вода для облегченія труда сестеръ. Кромѣ того, съ разрѣшенія Калужскаго архіепископа, инокиня Софія реставрировала заброшенную церковь во имя св. Іоанна Милостиваго. Обновленный храмъ былъ кра-

соты сіяющей, неземной. Свѣтлый, радостный, съ прекрасными иконами. Самъ архіепископъ Калужскій пріѣзжалъ освящать его и служилъ въ немъ. Управляла моя сестра обителью съ большой любовью, простотою и великимъ смиреніемъ. Потому и Богъ ей помогалъ во всѣхъ ея начинаніяхъ. Какъ мать родная, заботилась она о сестрахъ и о дѣвочкахъ.

Вотъ словно сейчасъ вижу: идетъ моя сестра по деревяннымъ настиламъ въ церковь изъ своихъ покоевъ настоятельскихъ, а дѣтвора бѣжитъ къ ней навстрѣчу, прыгаютъ передъ нею и щебечутъ: «Тетя Соня! Тетя Соня! Тетя Соня!» Молодая настоятельница ласково улыбается веселой дѣтворѣ, съ материнской любовью смотритъ на нихъ.

И сестры просто и съ любовью относились къ своей всегда ровной, спокойной, тихой настоятельницѣ.

Пробывъ на своемъ посту около десяти лѣтъ, инокиня Софія была неожиданно вызвана въ Петроградъ. Уѣзжая изъ своей обители, она даже и не знала, по какой причинѣ должна ѣхать въ царственную столицу. Въ Петроградѣ она была представлена Государю Императору Николаю Александровичу и великимъ князьямъ Николаю Николаевичу и Петру Николаевичу. Высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Флавіанъ постригъ мою сестру въ мантію, т. к. по своей молодости она была только въ рясофорѣ. Состоялось и торжественное ея посвященіе въ игуменіи. Ея почитатели преподнесли ей нѣсколько жезловъ художественной работы. Моя сестра должна была ѣхать въ Кіевъ игуменіей Покровскаго монастыря на мѣсто усопшей игуменіи.

Не радовалась моя скромная, смиренная сестра своему новому высокому посту. Передъ отбытіемъ въ Кіевъ, въ послѣднюю ночь, горько плакала она о разлукѣ съ любимой обителью. Она должна была противъ своей воли оставить прекрасную, лѣсистую горку съ нѣжными березками, лужайки съ полевыми цвѣтами, привольный просторъ рѣки Оки — все покинуть для города. Оставить благодатный покой пустыни, разлучиться съ любимыми сестрами и ласковой, веселой дѣтворой пріюта. Игуменія Софія должна была управлять очень большимъ монастыремъ, въ которомъ было 1200 сестеръ. Подъ ея вѣдѣніемъ былъ и Межегорскій монастырь и еще третій малый (названіе его не помню — знаю, что тамъ была большая пасѣка).

Сколько впереди заботъ и хлопотъ! Какая отвѣтственность передъ Господомъ за всѣхъ сестеръ!

Покровскій монастырь былъ основанъ великой княгиней Александрой Петровной. Въ немъ она и проживала до своей кончины (весна 1900 г.) въ качествѣ смиренной инокини. Главный храмъ обители былъ во имя Покрова Пресвятой Богородицы съ придѣлами во имя св. пророка Иліи и всѣхъ святыхъ. При покояхъ великой княгини была трапезная церковь во имя Архистратига Михаила. Важнѣйшей святыней монастыря была чудотворная икона Божіей Матери, именуемая Почаевская. При монастырѣ была большая больница и лѣчебница для приходящихъ больныхъ. Эти благотворительныя учрежденія были устроены на средства великой княгини, и сестры оби-

тели ихъ обслуживали. При больницѣ была церковь во имя св. врача Агапита.

Покровскій монастырь получилъ извѣстіе о днѣ и часѣ прибытія новой игуменіи. Всѣ сестры и духовенство стали готовиться къ торжественной встрѣчѣ настоятельницы. Взволновался всегда тихій монастырь. У его обитательницъ и причта была одна мысль: «Какова будетъ новая игуменія?» Монахини, послушницы, духовенство вышли встрѣчать мою скромную сестру.

Дорога отъ игуменскихъ покоевъ до собора была устлана коврами. Торжественно загудѣли могучіе обительскіе колокола — и вотъ показалась карета. Въ силу какой то необъяснимой причины дверцы кареты, изъ которыхъ должна была выйти игуменія Софія, никакъ не могли открыть, при всемъ усиліи. Всѣ ждали, волновались и недоумѣвали. А моя сестрица перекрестилась и сказала: «Въ этомъ какъ бы предзнаменованіе тюрьмы!» Такъ впослѣдствіи и случилось: большевики вывезли мою сестру изъ монастыря въ тюрьму. Игуменія Софія вышла изъ противоположныхъ дверей и ей пришлось обойти карету.

Со страхомъ приняла новая настоятельница свой отвѣтственный постъ. Но своею необычайною добротою, смиреніемъ и простотою она, какъ и въ «Отрадѣ и Утѣшеніи», пріобрѣла сердца сестеръ. Полюбили всѣ смиренную игуменію. Много добра творила игуменія Софія. Даръ состраданія, исключительной любви къ Богу и людямъ имѣла она; щедрою рукою благотворила она бѣднымъ. Никто изъ нуждающихся не уходилъ безъ помощи, никому не отказывала она въ поддержкѣ. Ко всѣмъ относилась она съ ласкою и любовію. Игуменія Софія ни на минуту не забывала и дорогой ея сердцу обители «Отрада и Утѣшеніе». Помогала ей непрестанно, заботясь о ея нуждахъ и всяческихъ печаляхъ.

За ея исключительную сердечность и мудрое управленіе любили мою сестру Государь-мученикъ Николай Александровичъ и великіе князья Николай Николаевичъ и Петръ Николаевичъ. Подъ ея разумнымъ управленіемъ процвѣтали монастыри, находящіеся подъ ея вѣдомствомъ. Тихо, просто, спокойно протекала жизнь обителей.

Я часто лѣтомъ бывала у сестры въ Межегорскомъ монастырѣ возлѣ Кіева. Помню: на террасѣ стояла клѣтка съ бѣлочкой, которую очень любила моя сестра. Забавный былъ звѣрекъ! Бѣлкѣ давали розу и она касилась съ нею по клѣткѣ и, наигравшись, съѣдала цвѣтокъ. И сестры любили это веселое, милое животное. Однажды бѣлочка рѣшила черезъ открытую дверцу клѣтки убѣжать въ лѣсъ. Вскорѣ послѣ побѣга звѣрька игуменія Софія сидѣла на террасѣ и вдругъ видитъ: по дорожкѣ съ трудомъ передвигается какое то небольшое животное. Матушка съ сестрами направились къ звѣрьку. Оказалось — это ихъ любимая бѣлочка плетется изъ лѣса въ весьма печальномъ видѣ. Несчастное животное не смогло жить на волѣ — не сумѣло защититься отъ клещей, которые массами набились ему подъ кожу. Оно было все покрыто волдырями. Бѣлочка поняла, что не сможетъ жить на

волѣ и вернулась въ обитель. Долго сестры очищали звѣрька отъ клещей и тѣмъ спасли ему жизнь...

Но вотъ нарушился покой жизни обителей. Вспыхнула война, пронеслась страшная, разрушительная буря революціи, которая съ яростію устремилась на все святое нашей несчастной Родины. Большевики арестовали игуменію Софію. Увозили ее въ тюрьму (какъ раньше предчувствовала моя сестрица) въ открытомъ автомобилѣ. Посадили ее между двумя комиссарами. При видѣ этой тяжелой картины бѣдныя, осиротѣвшія сестры съ воплемъ, со слезами бѣжали за машиною. Онѣ теряли въ лицѣ своей игуменіи любящую, нѣжную мать!

Съ этого момента начались страданія игуменіи Софіи. Ее перебрасывали изъ одной тюрьмы въ другую. Въ этихъ мытарствахъ отошла она въ вѣчную, блаженную жизнь, чтобы въ руки Господни отдать свою чистую, прекрасную душу.

Свѣдѣнія о ея мукахъ, терзаніяхъ и смерти я получила уже послѣ взятія нѣмцами Кіева. Письмо изъ Россіи чудомъ дошло до меня во время оккупаціи нѣмцами Франціи, гдѣ я находилась. Писала мнѣ духовная дочь моей сестры черезъ Швейцарію. Изъ этого письма я узнала, что игуменія Софія очень волновалась за меня, зная, что Франція воюетъ. Отошла она ко Господу 4 апрѣля 1940 г. Игуменія Софія писала красивые стихи, прекрасныя статьи въ духовныхъ журналахъ. Въ моей памяти сохранилось лишь одно стихотвореніе, мнѣ посвященное. Вотъ оно:

МОЕЙ СЕСТРѢ.

Любила-ль Ты Христа всей силой помышленья?
Стремилась Ты къ Нему въ надеждѣ и съ тоской?
Просила-ль Ты Его въ слезахъ и умиленьи
Той силою любви, высокой и святой?
Тобой любимый свѣтъ Тебя втянулъ безъ спора,
Ты не смогла понять въ немъ жизни пустоты,
И надъ Твоей головкой непокорной
Летѣли мимо лучшія и свѣтлыя мечты.
Ты сознавала-ли, что у Тебя двѣ силы
Боролись трепетно въ измученной груди:
Одна — на небеса къ Нему Тебя манила,
Другая — не смогла подняться отъ земли.

Обитель «Отрада и Утѣшеніе».

КРЕЩЕНІЕ ГОСПОДНЕ.

Воспойте радостно народы,
Греми, могучій океанъ!
Ликуйте всѣ моря, всѣ воды,
И славься синій Іорданъ.
Въ струяхъ рѣки стоитъ Безгрѣшный,
Исполненъ вѣчной красоты —
И голосъ слышится нездѣшній,
И голубь сходитъ съ высоты.
Онъ весь — покорность, весь — смиренье.
О, Агнецъ, Богочеловѣкъ!
Ты ломишь путы смерти, тлѣнья!
Тобой сіяетъ Новый Вѣкъ!
И въ трепетѣ Іоаннъ Креститель:
Онъ креститъ своего Творца!
Предъ нимъ — склоненный Богъ, Спаситель.
Надъ нимъ — гласъ Господа Отца.
И Бѣлый Голубь льетъ сіянье,
Паритъ надъ Спасовой Главой.
От сквернъ грѣха Свое созданье,
О, Тихій Свѣтъ, очисть, омой!

М. В.

Безъ Господней любви я мертва.
Я — спаленная зноемъ трава.
Я — безплодный, хирѣющій садъ.
Безъ Господней любви — близокъ адъ,
Мракъ бездонный, провалъ, пустота!
Безъ любви меркнетъ знамя креста.
Злые вихри владѣютъ душой,
Прочь бѣжитъ вожделѣнный покой,
Сердце замкнуто въ тѣсную клѣть,
Страшно жить, и страшнѣй — умереть...
Но нисходитъ дыханье любви...
Сердце, сердце, воспрянь, пей, лови!

М. В.

Записи Сергѣя Нилуса, современныя кончинѣ о. Іоанна Кронштадтскаго *).

Немало знаменій является и въ нашей, пока еще богоспасаемой, Пустыни!

Въ самый день Рождества Христова въ ней совершилось два крупныхъ, по своему внутреннему значенію, событія: во время торжественной литургіи, совершаемой соборнѣ самимъ о. архимандритомъ, въ самый моментъ великаго входа, загорѣлся и сгорѣлъ до основанія монастырскій черепичный заводъ.

Это — событіе первое.

Въ пятомъ часу того же дня, когда въ храмѣ началось чтеніемъ 9-го часа повечеріе, въ кельѣ своей отъ разрыва сердца внезапно скончался монастырскій благочинный, о. Иліодоръ, человѣкъ не старый и на видъ еще совсѣмъ бодрый.

Это — событіе второе.

Такимъ образомъ, начало новаго христіанскаго года, который логично долженъ начинаться со дня Рождества Христова, ознаменовалось пожаромъ и смертью. Сгорѣлъ *кровельный* заводъ; умеръ *благочинный*. Не прообразъ ли это отъ частнаго къ общему того, что и въ міру, по имени христіанскомъ, новый годъ откроется также пожаромъ (духовнымъ — мы должны разсуждать обо всемъ духовно), который коснется чего-то покровнаго (не вѣры ли, подобной дереву, выросшему изъ горчичнаго сѣмени?), и что въ наступающемъ году наступитъ внезапный конецъ благочинію (церковному)? Касаясь самой Оптиной пустыни, гдѣ явлены были эти знаменія, они не могутъ не отразиться и на всемъ православномъ мірѣ. Оптина пустынь не есть какой-нибудь безвѣстный, затерявшійся на путяхъ и распутіяхъ міра, уголокъ — она, со смертью о. Іоанна Кронштадтскаго, стала едва ли не важнѣйшимъ центромъ православно-русскаго духа: совершающееся въ ней, какъ въ центрѣ, неминуемо должно отозваться, такъ или иначе, на периферіи, на всемъ организмѣ русскаго, а съ нимъ и вселенскаго, Православія. Сейсмическіе инструменты Пулковской обсерваторіи не показываютъ ли землетрясеній, происходящихъ даже въ другомъ полушаріи?..

Послѣдимъ за событіями: они укажутъ, правильна ли, или нѣтъ, эта точка зрѣнія.

Передъ всероссійскимъ разгромомъ 1905 года, въ августѣ 1904 года, въ той же Оптиной произошло событіе, важность котораго по достоинству была оцѣнена внимательными.

Дѣло было такъ:

---

*) На берегу Божіей рѣки. Записки Православнаго — Сергѣя Нилуса. Сергіевъ Посадъ, 1916. См. «Прав. Жизнь» 1958 г., ноябрь.

Въ началѣ каникулъ лѣта того года, въ Оптину пустынь къ настоятелю и старцамъ явился нѣкій студентъ одной изъ духовныхъ Академій, кандидатъ правъ университета. Привезъ онъ съ собою отъ своего ректора письмо, въ которомъ, рекомендуя подателя, о. ректоръ (преосвященный) проситъ начальство пустыни дать ему возможность и указанія къ дѣятельному прохожденію монашескаго послушанія во все его каникулярное время.

Аспирантъ монашескаго подвига былъ принятъ по-оптински, — радушно и ласково. Отвели ему номерокъ въ гостиницѣ, гдѣ странно-пріимная, а послушаніе дали то, черезъ которое, какъ чрезъ начальный искусъ, Оптинскіе старцы проводятъ всякаго, кто бы ни пришелъ поступать къ нимъ въ обитель, какого бы званія или образованія онъ ни былъ: на кухнѣ чистить картошку и мыть посуду. Такъ какъ у новаго добровольца-послушника оказался голосъ и нѣкоторое умѣнье пѣть, то ему было дано и еще послушаніе — пѣть на правомъ клиросѣ. Оптинскія церковныя службы очень продолжительны, и кругъ ежедневнаго монастырскаго богослуженія обнимаетъ собою и утро, и полдень, и вечеръ, и большую часть ночи*): чистить картошку и посѣщать клиросное послушаніе — это такой трудъ, добросовѣстное исполненіе котораго подъ силу только молодому, крѣпкому организму и хорошо дисциплинированной волѣ, одушевленной къ тому же ревностью служенія и любви къ Богу. Но этого труда ученому послушнику показалось недостаточно, и онъ самовольно (по монастырски — самочинно) наложилъ на себя сугубый молитвенный подвигъ: сталъ молиться по ночамъ въ такое время, которое даже и совершеннымъ положено для отдохновенія утружденной плоти. Это было замѣчено гостиникомъ той гостиницы, гдѣ была отведена келья академисту; пришелъ онъ къ настоятелю и говоритъ:

— "Академистъ то, что то больно въ подвигъ ударился: по ночамъ не спитъ, все молится; а теперь такъ сталъ молиться, что, послушать, страшно становится: охаетъ, вздыхаетъ, объ полъ лбомъ колотится, въ грудь себя бьетъ".

Призвали старцы академиста, говорятъ:

— "Такъ нельзя самочинничать: этакъ и повредиться можно, въ прелесть впасть вражескую. Исполняй, что тебѣ благословлено, а на большее не простирайся".

Но усерднаго не по разуму подвижника, да еще ученаго, остановить уже было нельзя: что, молъ, понимаетъ монашеская сѣрость? Я все лучше ихъ знаю!

И, дѣйствительно, узналъ, — дошелъ до такихъ степеней, до какихъ еще никто не доходилъ изъ коренныхъ подвижниковъ Оптинскихъ!

---

*) Утреня начинается въ часъ ночи, оканчивается въ началѣ пятаго утра; ранняя обѣдня отъ половины шестого до семи утра; поздняя — отъ половины девятаго до половины одиннадцатаго въ будни, и въ праздники до половины двѣнадцатаго; вечерня — отъ пяти до половины восьмого вечера; правило отъ восьми до половины девятаго вечера. Таково, приблизительно, ежедневное распредѣленіе Оптинскихъ службъ.

Вскорѣ послѣ старческаго увѣщанія, пѣвчими праваго клироса была замѣчена явная ненормальность поведенія академиста: онъ что то такое совершилъ во время церковнаго пѣнія, что его съ клироса отправили въ монастырскую больницу; а въ больницѣ у него сразу обнаружилось буйное умопомѣшательство. Пришлось его связать и посадить въ особое помѣщеніе, чтобы не могъ повредить ни себѣ, ни людямъ. За желѣзной рѣшеткой въ небольшомъ окнѣ, за крѣпкой дверью и запоромъ, и заключили, до времени, помѣшаннаго, а тѣмъ временемъ дали о немъ знать въ его академію.

Событіе это произошло въ самомъ началѣ Успенскаго поста 1904 года, — числа 1-го, или 2-го августа, — а 4-го, на день памяти семи отроковъ Ефесскихъ, оно разрѣшилось такой катастрофой, о какой не только Оптина пустынь, но и Церковь русская не слыхивала, кажется, отъ дней своего основанія.

Во Введенскомъ храмѣ (лѣтній Оптинскій соборъ) шла утреня. Служилъ іеромонахъ о. П., человѣкъ лѣтъ среднихъ, высокой духовной настроенности и богатырской физической силы. На клиросахъ пѣли "Честнѣйшую Херувимъ"; о. П. ходилъ съ кажденіемъ по церкви и находился въ самомъ отдаленномъ отъ алтаря мѣстѣ храма. Алтарь былъ пустъ, даже очередной пономарь, и тотъ куда то вышелъ. Въ церкви народу было много, такъ какъ большая часть братіи говѣла, да было немало говѣльщиковъ и изъ мірскихъ богомольцевъ... Вдругъ, въ раскрытыя западныя врата храма, степенно и важно, вошелъ нѣкто совершенно голый. У самой входной двери этой, съ лѣвой стороны, стоитъ ктиторскій ящикъ, и за нимъ находилось двое или трое, полныхъ силы, молодыхъ монаховъ; въ трапезной — монахи и мірскіе; тоже — и въ самомъ храмѣ. На всѣхъ нашелъ такой столбнякъ, что никто, какъ прикованный, не могъ сдвинуться съ мѣста... Такъ же важно, тою же величественною походкой, голый человѣкъ прошелъ мимо всѣхъ богомольцевъ, подошелъ къ иконѣ Казанской Божіей Матери, что за правымъ клиросомъ, истово перекрестился, сдѣлалъ передъ нею поклонъ, направо и налѣво, по монашески, отвѣсилъ поклоны молящимся и вступилъ на правый клиросъ.

И во все это время, занявшее не менѣе двухъ-трехъ минутъ, показавшихся очевидцамъ, вѣроятно, вѣчностью, никто въ храмѣ не пошевельнулся, точно силой какой удержанные на мѣстѣ.

Не то было на клиросѣ, когда на него вступилъ голый: какъ осенніе сухіе листья подъ порывомъ вихря, клирошане, — все взрослые монахи, — разсыпались въ разныя стороны, — одинъ даже подъ скамейку забился, — гонимые паническимъ страхомъ. И тутъ, во мгновеніе ока, голый человѣкъ подскочилъ къ царскимъ вратамъ, сильнымъ ударомъ распахнулъ обѣ ихъ половинки, однимъ прыжкомъ вскочилъ на престолъ, схватилъ съ него крестъ и Евангеліе, сбросилъ ихъ на полъ далеко въ сторону и всталъ во весь ростъ на престолѣ, лицомъ къ молящимся, поднявъ кверху обѣ руки, какъ нѣкто, кто "въ храмѣ Божіемъ сядетъ, какъ Богъ, выдавая себя за Бога" (2 Сол. 2, 4).

Мудрые изъ Оптинскихъ подвижниковъ такъ это и поняли...

Этотъ голый человѣкъ былъ тотъ самый академистъ, что, вопреки волѣ старцевъ и безъ ихъ благословенія, затѣялъ самовольно подвижничать и впалъ въ состояніе омраченія души, которое духовно именуется прелестію...

Тутъ сразу, какъ точно кандалы спали съ монаховъ — всѣ разомъ бросились на новоявленнаго бога, и, не прошло секунды, какъ онъ уже лежалъ у подножія престола, связанный по рукамъ и ногамъ, съ окровавленными руками отъ порѣзовъ стекломъ, когда онъ выламывалъ желѣзную рѣшетку и стеклянную раму своего заключенія, и съ такой сатанинской, иронически-злой усмѣшкой на устахъ, что нельзя было на него смотрѣть безъ тайнаго ужаса.

Одного монаха онъ чуть было не убилъ, хвативъ его по виску тяжелымъ крестомъ съ мощами; но Господь отвелъ ударъ, и онъ только поверхностно скользнулъ, какъ контузія, по покрову височной кости. Онъ ударилъ того же монаха вторично кулакомъ по ребрамъ, и слѣдъ этого удара, въ видѣ углубленія въ боку, у монаха этого остался виденъ и доселѣ.

Когда прельщеннаго академиста вновь водворили въ его келью, гдѣ, казалось, онъ былъ такъ крѣпко запертъ, онъ сразу пришелъ въ себя, заговорилъ, какъ здоровый...

— "Что было съ вами?" — спросили его, — "помните ли, что вы надѣлали?"

— "Помню", — отвѣтилъ онъ, — "все хорошо помню. Мнѣ это надо было сдѣлать: я слышалъ голосъ, который повелѣвалъ мнѣ это совершить, и, горе было бы мнѣ, если бы я не повиновался этому повелѣнію... Когда, разломавъ раму и рѣшетку въ своемъ заключеніи и скинувъ съ себя бѣлье, нагой, какъ новый Адамъ, шелъ исполнить послушаніе невидимому, я вновь услыхалъ тотъ же голосъ, мнѣ говорящій: — "иди скорѣе, торопись, а то будетъ поздно!" — Я исполнилъ только долгъ свой передъ пославшимъ меня".

Такъ объяснилъ свое дѣяніе новѣйшій Адамъ, сотворившій волю пославшаго его отца лжи и духовной гордости.

Отправили прельщеннаго въ Калугу, въ "Хлюстинку" — больницу для душевно-больныхъ, а оттуда его вскорѣ взялъ на свое попеченіе кто-то изъ его ближайшихъ родственниковъ. Дальнѣйшая судьба его въ точности неизвѣстна. Слышно было, что онъ окончательно выздоровѣлъ, духовную академію оставилъ и служитъ гдѣ то по судебному вѣдомству.

Когда произошло это страшное событіе, повлекшее за собою временное закрытіе соборнаго Оптинскаго Введенскаго храма и малое его освященіе, то и тогда уже наиболѣе одухотворенные изъ братіи усматривали въ немъ прообразъ грознаго грядущаго, провидя въ немъ всѣ признаки предантихристова времени.

Черезъ годъ съ небольшимъ началось такъ называемое "освободительное движеніе", и дало собою яркое подтвержденіе тому, что въ предположеніяхъ своихъ духоносные Оптинскіе отцы и братія не ошибались, что движеніе это прикрываетъ собою не одну революцію противъ Самодержавнаго Помазанника Божія, а и войну противъ Творца и Самодержца вселенной, и что близится тотъ роковой день, когда долженъ явиться "презрѣнный" пророка Даніила, который при общемъ столбнякѣ власть имущихъ и параличѣ власти, прекратитъ ежедневную жертву, поставитъ мерзость запустѣнія на крилѣ святилища и... окончательная, предопредѣленная гибель постигнетъ опустошителя...

Есть въ Оптиной нѣкій монахъ изъ священнослужителей, нравомъ препростый, благоговѣйный и богобоязненный. Сказывали мнѣ про него кое-кто изъ братій, что за сколько то времени до этого знаменательнаго событія ему видѣлся въ алтарѣ Введенскаго храма, на престолѣ, нѣкто безъ малѣйшаго признака на немъ какого-либо одѣянія.

— "Вотъ, искушеніе то", — говорилъ этотъ священнослужитель: "какъ только моя чреда, вхожу въ алтарь, а тамъ голый на престолѣ".

Мало только кто вѣрилъ словамъ этого раба Божія...

Много ли найдется и изъ читателей моихъ такихъ, кто станетъ на мою точку зрѣнія въ разсужденіи о значеніи того, что 4-го августа 1904 года произошло въ святой Оптиной пустыни?..

Дай Богъ, чтобы мое толкованіе оказалось невѣрнымъ!

А сердце тревожно, тревожно!..

Событія, повидимому, начинаютъ оправдывать мое толкованіе совершившагося въ Оптиной въ день Рождества Христова: покровъ вѣры отъемлется отъ стада Христова, въ великую скорбь овцамъ и на радость торжествующей стаѣ хищныхъ волковъ, празднующихъ близость побѣды и одолѣнія. Въ крещенскій сочельникъ и въ самый день Богоявленія, по представленію санитарной комиссіи, было сдѣлано распоряженіе совершить освященіе великой агіасмы (крещенской воды) въ Петербургѣ на кипяченой водѣ. Ко всѣмъ соборамъ и церквамъ, а также на Іордань, на Неву, привезены были бочки съ кипяткомъ, и молитвы водоосвященія читались надъ кипяткомъ, на кипятокъ призывалась всеосвящающая благодать Святаго Духа... Это ли не погромъ вѣры?! Полѣну дровъ, нужному для кипяченія воды и уничтоженія микробовъ, было оказано больше вѣры, чѣмъ Богу...

Вотъ онъ, "пожаръ покрова вѣры"!.. Къ счастью, не всѣ еще отступили отъ якоря нашего спасенія, и въ томъ же Петербургѣ Господь сохранилъ для избранныхъ Своихъ одного епископа, не согласившагося поступиться своей вѣрой ради мира съ врагами Христовой Церкви. Если мои записки когда-либо узрятъ свѣтъ, то пусть онѣ и сохранятъ имя этого вѣрнаго слуги Божія и архипастыря въ подкрѣпленіе вѣры и благочестія изнемогающихъ моихъ братій. Кириллъ Гдовскій (въ 1913

году — Тамбовскій) — имя этому епископу. Да будетъ благословенно имя его въ родъ и родъ.

Мнѣ прислали изъ Петербурга вырѣзку изъ № 7-го "Петербургской газеты" и въ ней статья — "Богоявленское водосвятіе въ Александро-Невской Лаврѣ".

Страшное по своему значенію событіе это въ газетѣ описывается такъ:

"....Вотъ что произошло въ главномъ соборѣ Александро-Невской Лавры наканунѣ Крещенія, въ сочельникъ.

"Лаврскіе сторожа заблаговременно приготовили для водоосвященія громадный дубовый чанъ въ нѣсколько бочекъ воды, по обыкновенію, некипяченой, прямо изъ-подъ крана. Полиція мѣстнаго участка, черезъ городового, отъ имени пристава, приказала приготовить 50 ведеръ кипяченой воды мѣстному трактирщику, г. Евплову, для водосвятія въ Александро-Невской Лаврѣ. Кипятокъ былъ заказанъ къ 10 часамъ утра и черезъ часъ уже былъ готовъ, но онъ не потребовался.

"Помощникъ пристава, узнавъ, что вода въ чанѣ некипяченая, потребовалъ, чтобы воду замѣнили кипяченой. Экономъ лавры, архимандритъ Филаретъ, отправился къ митрополиту Антонію, но секретарь Тихомировъ сказалъ, что владыку безпокоить нельзя, что онъ сильно занятъ. — "Не получивъ, такимъ образомъ, никакого распоряженія отъ владыки" — говорилъ мнѣ архимандритъ Филаретъ. — "я своей властью приказалъ перемѣнить воду. У насъ воды кипяченой было достаточно, но только мы ее не успѣли остудить. Брали прямо изъ кипятильниковъ горячую".

"Экономъ лавры выразилъ сожалѣніе, что распоряженіе о кипяченой водѣ было сдѣлано слишкомъ поздно".

— "Въ общемъ, все обошлось благополучно. Многіе изъ публики даже благодарны за принятыя предупредительныя мѣры", — говорилъ намъ архимандритъ Филаретъ.

"Къ сожалѣнію, не то мы слышали отъ молящихся въ церкви. Многіе сильно роптали и выходили, когда, во время совершенія литургіи, воду приносили сторожа и выливали въ чанъ. Паръ отъ горячей воды распространился по всему собору... Энергичное требованіе полиціи замѣнить немедленно сырую воду кипяченой произвело на богомольцевъ неблагопріятное впечатлѣніе. Въ самый день Крещенія, требованія полиціи — поставить чанъ съ кипяченой водой на льду у Іордани лаврское духовенство отвергло. Вода была освящена епископомъ Кирилломъ Гдовскимъ, въ сослуженіи архимандритовъ Лавры, прямо въ проруби Невы.

"Мѣстная полиція приняла мѣры и никого изъ публики за водой на Іордань не допустила".

Ой, страшно!..

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТДѢЛЪ ЮНОШЕСКІЙ И ДѢТСКІЙ.

Житіе преп. отца нашего Ксенофонта, жены его Маріи и двухъ сыновей ихъ Іоанна и Аркадія.

26 января.

Св. Ксенофонтъ жилъ въ Царьградѣ, онъ былъ богатымъ, благороднымъ человѣкомъ, но смиреннымъ, кроткимъ и нищелюбивымъ. И жена его Марія подражала ему и его добрымъ дѣламъ, угождала Богу своею скромною, благочестивою жизнью.

У нихъ было два сына, Іоаннъ и Аркадій. Родители послали своихъ сыновей обучаться наукамъ въ городъ Виритъ. Когда сыновья ихъ учились въ этомъ городѣ, Ксенофонтъ сильно разболѣлся. Марія думала, что онъ умретъ, и послала за сыновьями своими въ городъ Виритъ. Обрадовался отецъ, увидя своихъ сыновей, и отъ радости стало ему легче. Онъ думалъ, что умираетъ и сталъ поучать ихъ, чтобы они были въ жизни своей кроткими, простыми, чтобы никого не обижали, никого не укоряли, не завидовали, не ссорились, но со всѣми жили бы мирно, заботились бы о нищихъ, утѣшали бы печальныхъ. Іоаннъ и Аркадій плакали, слушая умирающаго отца. Отецъ, видя ихъ плачущими, самъ прослезился и со стономъ попросилъ Господа, чтобы онъ, Милостивый, продолжилъ дни его жизни ради сыновей. Ночью Ксенофонту во снѣ Господь сказалъ, что онъ еще будетъ жить, что теперь онъ не умретъ. Утромъ Ксенофонтъ разсказалъ о видѣніи Маріи и сыновьямъ своимъ. Всѣ обрадовались и прославили Бога. Больной по милости Божіей выздоровѣлъ. Аркадій и Іоаннъ долж-

ны были вернуться въ городъ Виритъ для продолженія своего ученія. Отецъ посадилъ ихъ на корабль, обѣщавъ имъ послѣ окончанія ученія женить ихъ.

Когда они плыли по морю, сначала вѣялъ легкій, попутный вѣтеръ. Потомъ внезапно поднялась сильная буря. Корабль понесся невѣдомо куда, волны заливали корабль, паруса рвалъ страшный вѣтеръ. Всѣ ждали, что вотъ-вотъ корабль потонетъ. Люди плакали, страшась смерти. Плакали и братья родные, Аркадій и Іоаннъ, что никогда больше не увидятъ своихъ родителей, не побываютъ никогда въ родномъ домѣ, что умираютъ они молодые, полные жизни и силъ. Молили они Бога спасти ихъ отъ смерти. Матросы, видя, что корабль погибаетъ, спустили на море маленькій корабликъ, со всѣхъ сторонъ прикрытый и не могущій затонуть, сѣли въ него, дѣлая видъ, что хотятъ помочь тонущему кораблю, а вмѣсто этого сами отплыли отъ корабля и понеслись по волнамъ, надѣясь достигнуть берега. Оставшіеся на кораблѣ Іоаннъ и Аркадій поняли, что матросы бросили ихъ. Каждую секунду ждали они, что корабль долженъ разбиться. Братья сбросили съ себя одежды, чтобы имъ легче было плыть по морю, и умиленно, рыдая воскликнули: «Будь здоровъ любезный отецъ, будь здорова любезная мать, вы насъ больше никогда не увидите». Обратившись къ рабамъ они сказали: «Простите вы,добрые братья». Съ молитвою на устахъ взялись братья за доски разбившагося корабля и поплыли въ разныя стороны по бушующему морю.

Милостивый Господь услышалъ ихъ молитву и спасъ ихъ отъ смерти. Они были выброшены въ Тиръ: Іоаннъ на мѣсто, называемое Малмефетанъ, а Аркадій въ Тетрапиргію. Каждый братъ, не зная, что другой спасся, не столько радовался о своемъ спасеніи, сколько горевалъ о смерти другого брата.

Іоаннъ вышелъ на берегъ и сталъ размышлять такъ: «Куда я пойду нагой, мнѣ стыдно людей; пойду я въ монастырь, гдѣ живутъ благоговѣйные иноки и тамъ буду работать Господу, спасшему меня отъ смерти. Угодить легче Богу, живя въ нищетѣ и смиреніи, чѣмъ въ богатствѣ. Потому и Господь попустилъ погибнуть кораблю, чтобы спасти наши души и сохранить насъ отъ богатства и женитьбы». «Господи, воззвалъ Іоаннъ къ Богу, спаси, сохрани отъ смерти брата Аркадія, сдѣлай такъ, чтобы и онъ, какъ и я, пожелалъ стать инокомъ».

Помолившись, Іоаннъ пошелъ искать монастырь. Послѣ долгаго пути Господь, наконецъ, привелъ его въ обитель. Онъ робко, смиренно постучался въ ворота. Братъ-привратникъ открылъ ему ихъ. Увидѣвъ его нагого, онъ снялъ съ себя одежду и одѣлъ его. Позвавъ его въ свою келлію, онъ накормилъ его хлѣбомъ и чечевицею. Когда Іоаннъ пообѣдалъ, спросилъ его вратарь: «От-

куда ты, братъ?» Онъ отвѣтилъ, «Я странникъ и убогій, Господь спасъ меня отъ потопленія съ корабля, который разбился въ морѣ. Когда я погибалъ, я ухватился за доску, и носили меня волны, пока не выбросили въ страну вашу». Инокъ, услышавъ его разсказъ, умилился и прославилъ Бога, спасающаго тѣхъ, которые надѣятся на Него. «Куда ты теперь пойдешь, братъ?» — спросилъ инокъ Іоанна. — «Куда Богъ захочетъ; я бы хотѣлъ сдѣлаться инокомъ, если бы сподобилъ меня Милосердный Господь» — отвѣтилъ Іоаннъ. Инокъ сказалъ игумену о желаніи юноши. Игуменъ посмотрѣлъ на Іоанна, увидѣлъ, что изъ этого скромнаго, тихаго юноши выйдетъ хорошій монахъ, и принялъ его въ обитель. Въ скоромъ времени онъ постригъ его. Св. Іоаннъ прилежно работалъ для Господа. Только скорбѣлъ онъ о братѣ своемъ, думая, что онъ потонулъ въ морѣ.

Аркадій по волѣ Божіей тоже спасся отъ потопленія и вышелъ изъ моря въ странѣ Тетрарпиргіи. Онъ возблагодарилъ Бога, спасшаго его отъ смерти и помолился о спасеніи своего возлюбленнаго брата. Потомъ онъ пошелъ въ сосѣднюю деревню, попросилъ у одного добраго человѣка хлѣба и немного подкрѣпилъ изнемогающія силы свои. Въ деревнѣ онъ зашелъ въ церковь, помолиться со слезами о братѣ и легъ возлѣ церкви отдохнуть. Тотчасъ же онъ заснулъ. Во снѣ онъ увидѣлъ брата своего Іоанна, который ему говоритъ: «Зачѣмъ ты такъ горько плачешь обо мнѣ, я живъ Божіей благодатію, не печалься обо мнѣ.» Аркадій проснулся, обрадовался и восхвалилъ Бога. Онъ сталъ раздумывать такъ: «Если я вернусь къ родидтелямъ моимъ, то огорчу ихъ, придя безъ брата моего. Не знаю, что и дѣлать. Да, отецъ мой восхвалялъ монашескую жизнь. Пойду я въ монастырь и сдѣлаюсь инокомъ».

Аркадій помолился и пошелъ въ Іерусалимъ поклониться святымъ мѣстамъ. Изъ Іерусалима пошелъ онъ искать монастырь. По дорогѣ встрѣтилъ онъ одного инока-старца, святой жизни. Аркадій упалъ къ его ногамъ, поцѣловалъ ихъ и сказалъ: «Скорблю я очень, святой отецъ». Старецъ сказалъ ему: «Дитя мое, не печалься, твой братъ живъ, онъ спасся отъ потопленія и поступилъ въ монастырь. Господь услышалъ твою молитву, и ты увидишь твоего брата». Аркадій въ изумленіи слушалъ старца, — какъ онъ, не зная его, говоритъ ему о братѣ, разсказываетъ ему о его спасеніи, знаетъ, что онъ поступилъ въ монастырь! Онъ сказалъ старцу, что и самъ собирается уйти въ монастырь. Святой инокъ привелъ его въ лавру св. Харитона. Тамъ онъ его выучилъ иноческой жизни, а самъ вернулся въ пустыню, обѣщая каждые три года видѣться со своимъ ученикомъ.

Прошло два года. Ксенофонтъ еще не зналъ о гибели корабля.

Только онъ удивлялся и безпокоился, что сыновья ему не пишутъ. Наконецъ, послалъ онъ раба своего въ городъ Виритъ разузнать о нихъ. Рабъ пріѣхалъ въ Виритъ и узналъ, что дѣти господина его и не пріѣзжали въ городъ. Онъ поѣхалъ искать ихъ въ городъ Аѳины, но и тамъ не нашелъ ихъ и рѣшилъ вернуться домой. На обратномъ пути, когда онъ отдыхалъ въ одной гостиницѣ, туда же зашелъ инокъ, идущій въ Іерусалимъ. Рабъ узналъ въ немъ своего друга, прежняго раба его господина, который на кораблѣ сопровождалъ Аркадія и Іоанна въ городъ Виритъ. Инокъ со слезами сталъ разсказывать ему о гибели корабля и вздохнувъ сказалъ: «Думаю, что спасся я одинъ, а дѣти господъ нашихъ и ихъ рабы погибли». « Я не хотѣлъ принести въ домъ горестное извѣстіе и потому сдѣлался инокомъ». Другъ его билъ себя въ грудь, не въ силахъ удержать рыданіе. Страшно и тяжело ему было возвращаться домой съ такой горестной вѣстью. Когда онъ пришелъ домой, то сѣлъ, поникъ лицомъ долу и смущенно молчалъ.

Марія спросила его: «Какъ поживаютъ дѣти наши?» — «Здоровы, госпожа моя», неувѣренно проговорилъ рабъ. «А есть-ли отъ нихъ намъ письмо?» — «Я потерялъ его въ пути», — отвѣтилъ рабъ. Марія поняла смущеніе раба, поняла, что съ дѣтьми случилось несчастье и воскликнула: «Скажи мнѣ правду!» Заплакалъ горько рабъ и сказалъ: «О, госпожа моя, корабль разбился, и сыновья твои погибли въ морѣ». Не зарыдала въ горѣ великомъ страдающая мать. Покоряясь Господу, тихо, смиренно проговорила она: «Господь мнѣ далъ сыновей, Господь и взялъ ихъ». И прославила она Творца. Черезъ три часа изъ царскихъ палатъ пришелъ Ксенофонтъ. Его сопровождало множество слугъ, богато одѣтыхъ. Когда наступилъ вечеръ, онъ сѣлъ за трапезу, такъ какъ былъ постникомъ и вкушалъ пищу только разъ въ день. Марія за ѣдой сказала ему, что рабъ вернулся изъ Вирита. «А гдѣ-же письмо дѣтей?» — спросилъ Ксенофонтъ. «Я завтра его дамъ тебѣ» — отвѣтила Марія. Но не смогла она удержаться отъ слезъ. «О чемъ ты плачешь, развѣ сыновья наши больны? — спросилъ Ксенофонтъ. Обливаясь слезами, едва проговорила мать: «Не больны наши дѣти . . . они утонули». Застоналъ Ксенофонтъ и сказалъ: «Да будетъ благословенно имя Отца и Сына и Святаго Духа во вѣки. Аминь. Не скорби госпожа моя, можетъ быть, Господь и сохранилъ нашихъ дѣтей. Помолимся Богу цѣлую ночь, можетъ быть, Господь откроетъ, что сдѣлалось съ нашими дѣтьми». Цѣлую ночь плакали и молились Ксенофонтъ и Марія, и когда они устали, то заснули на своихъ жесткихъ власяныхъ подстилкахъ, и приснился имъ одинъ и тотъ же сонъ. Увидѣли они своихъ сыновей возлюбленныхъ въ великой славѣ, Іоаннъ сидѣлъ на цар-

скомъ престолѣ, въ царскомъ вѣнцѣ, украшенномъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, рука его держала скипетръ. У Аркадія же былъ вѣнецъ изъ звѣздъ, онъ держалъ крестъ въ правой рукѣ.

Когда Ксенофонтъ и Марія проснулись, то разсказали другъ другу сонъ свой и поняли, что живы ихъ сыновья. Ксенофонтъ радостно сказалъ женѣ: «Думаю, что въ Іерусалимѣ наши дѣти, пойдемъ туда, поклонимся святымъ мѣстамъ и, можетъ быть, найдемъ нашихъ сыновей».

Взяли съ собой Ксенофонтъ и Марія много золота, чтобы давать милостыню нищимъ и для Божьихъ церквей. Прибывъ въ Іерусалимъ, поклонились они святымъ мѣстамъ и стали обходить всѣ монастыри вокругъ Іерусалима, всюду ища дѣтей своихъ. Однажды въ пути встрѣтили они раба своего — теперь инока, который сопровождалъ на кораблѣ ихъ сыновей. Въ радости поцѣловали они его и воскликнули: «Гдѣ наши сыновья, скажи ради Бога, скажи». — «Сыновья ваши и рабы взялись за доски, когда погибалъ корабль, и больше я ничего не знаю, волны меня выбросили на берегъ въ странѣ Тирской». Ксенофонтъ и Марія дали иноку денегъ, чтобы онъ молился о ихъ дѣтяхъ. Сами же они направались въ страну Іорданскую.

Тамъ они хотѣли помолиться и оставшееся золото роздать нищимъ. По дорогѣ встрѣтили они старца — учителя ихъ сына Аркадія, о которомъ вы уже слышали. Онъ, оставивъ Аркадія въ монастырѣ св. Харитона, самъ ушелъ въ пустыню. Они упали къ ногамъ старца и просили его святыхъ молитвъ. Старцу Господь открылъ, что это родители его ученика, и онъ, назвавъ ихъ по имени, утѣшилъ, сказавъ, что они увидятъ своихъ дѣтей, когда вернутся въ Іерусалимъ. Обрадованные Ксенофонтъ и Марія пошли къ рѣкѣ Іордану, а св. старецъ направился въ Іерусалимъ. Онъ побывалъ въ храмѣ св. Воскресенія, потомъ пошелъ на Голгоѳу и сѣлъ отдохнуть возлѣ этого святого мѣста. Въ это время юный инокъ Іоаннъ шелъ изъ своего монастыря въ Іерусалимъ. Увидѣвъ святого старца, онъ поклонился ему до земли. Старецъ благословилъ его и спросилъ: «Гдѣ ты былъ до сихъ поръ, господинъ Іоаннъ? Тебя ищутъ твои родители, а ты пришелъ искать брата твоего». Іоаннъ очень удивился, что старецъ все знаетъ о немъ. Онъ упалъ къ его ногамъ и сказалъ: «Умоляю тебя, скажи мнѣ, ради Господа, гдѣ мой братъ?» — «Сядь возлѣ меня». Старецъ, немного помолчавъ, спросилъ Іоанна: «Откуда ты братъ?» И сталъ Іоаннъ подробно разсказывать откуда онъ, какъ онъ ѣхалъ съ братомъ учиться, какъ потонулъ корабль. Аркадій слушалъ разсказъ инока и вдругъ воскликнулъ: «Это братъ мой Іоаннъ!» Обнялись родные братья и плакали отъ радости, заплакалъ и старецъ отъ умиленія. Всѣ встали и возблагодарили и восхвалили Господа.

Черезъ два дня пришли Ксенофонтъ и Марія отъ Іордана. Пришли они на Голгоѳу, встрѣтили тамъ св. старца, узнали его и стали просить, чтобы онъ показалъ имъ ихъ дѣтей. Возлѣ старца стояли Аркадій и Іоаннъ. Они опустили головы, смотрѣли внизъ и не произносили ни слова, какъ имъ повелѣлъ старецъ. Они сразу узнали родителей, но Ксенофонтъ и Марія не узнали своихъ сыновей, т. к. они очень похудѣли отъ трудовъ иноческихъ. И сказалъ св. старецъ Ксенофонту и Маріи: — «Пойдемъ туда, гдѣ вы сейчасъ живете, тамъ мы пообѣдаемъ съ моими учениками, а послѣ я вамъ скажу, гдѣ ваши дѣти». Обрадованные родители пошли въ домъ, гдѣ они жили, проготовили хорошій обѣдъ. Старецъ сказалъ ученикамъ своимъ: «Пойдемъ и мы къ вашимъ родителямъ, только смотрите, пока я не прикажу, вы ничего имъ не говорите». — «Какъ ты прикажешь, такъ и сдѣлаемъ» — сказали братья.

Когда они пришли къ родителямъ и обѣдали, то за трапезою сказалъ блаженный Ксенофонтъ старцу: «Отецъ святый, скажи, какъ живутъ дѣти наши». — «Много трудятся для спасенія души своей» — отвѣтилъ старецъ. Святой Ксенофонтъ взглянулъ на учениковъ его и сказалъ: «Какіе у тебя хорошіе ученики. Если бы и наши дѣти такіе были! Когда я ихъ увидѣлъ, то возрадовалось сердце мое, точно я встрѣтилъ дѣтей своихъ». И спросилъ старецъ Аркадія: «Дитя мое, скажи, гдѣ ты родился, откуда ты пришелъ сюда». Сталъ разсказывать Аркадій о жизни своей и брата Іоанна. Слушали св. Ксенофонтъ и Марія разсказъ инока и узнали въ ученикахъ старца сыновей своихъ возлюбленныхъ. Они обняли ихъ и заплакали отъ радости. «Вотъ свѣтъ очей нашихъ» — воскликнулъ счастливый отецъ. Всѣ стали въ веселіи благодарить Господа.

Св. Ксенофонтъ и Марія попросили старца, чтобы онъ и ихъ постригъ въ чинъ иноческій. Исполнилъ ихъ желаніе блаженный старецъ.

Марія поступила въ женскій монастырь, Іоаннъ и Аркадій ушли со старцемъ въ пустыню, а св. Ксенофонтъ, продавъ свой домъ и имѣнія свои, тоже ушелъ въ пустыню. Всѣ они угодили Богу и, проживъ долгое время, отошли въ царство небесное.

Преподобная Марія сотворила многія чудеса, по ея молитвѣ слѣпые прозрѣвали, больные исцѣлялись. Все семейство было причислено къ лику святыхъ святѣйшаго Владыки Христа Спаса Нашего, Ему же со Отцемъ и Святымъ Духомъ Слава, честь и поклоненіе во вѣки. Аминь.

М. В.

Приснопамятнаго епископа Игнатія Брянчанинова.

О МОЛИТВѢ ІИСУСОВОЙ.

Ученикъ. Однако святые Отцы очень остерегаютъ занимающагося молитвою Іисусовою отъ прелести.

Старецъ. Да, предостерегаютъ. Они предостерегаютъ отъ прелести и находящагося въ послушаніи, и безмолвника, и постника — словомъ сказать, всякаго, упражняющагося какою бы то ни было добродѣтелію. Источникъ прелести, какъ и всякаго зла — діаволъ, а не какая нибудь добродѣтель. «Со всею осмотрительностію должно наблюдать», — говоритъ святый Макарій Великій — «устрояемыя врагомъ (діаволомъ) со всѣхъ сторонъ козни, обманы и злоковарныя дѣйствія. Какъ Святый Духъ чрезъ Павла всѣмъ служитъ для всѣхъ (1 Кор. 9, 22); такъ и лукавый духъ старается злобно быть всѣмъ для всѣхъ, чтобъ всѣхъ низвести въ погибель. Съ молящимися притворяется и онъ молящимся, чтобы по поводу молитвы ввести въ высокоуміе; съ постящимися постится, чтобы обольстить ихъ самомнѣніемъ и привести въ умоизступленіе; съ свѣдущими Священное Писаніе и онъ устремляется въ изслѣдованіе Писанія, ища повидимому знанія, въ сущности же стараясь привести ихъ къ превратному разумѣнію Писанія; съ удостоившимися осіянія свѣтомъ, представляется и онъ имѣющимъ этотъ даръ, какъ говоритъ Павелъ: «сатана преобразуется въ ангела свѣтла» (2 Кор. 11, 14), чтобы, прельстивъ привидѣніемъ какъ бы свѣта, привлечь къ себѣ. Просто сказать: онъ принимаетъ на себя для всѣхъ всякіе виды, чтобы дѣйствіемъ, подобнымъ дѣйствію добра, поработить себѣ подвижника, и, прикрывая себя благовидностію, низвергнуть его въ погибель» (Слово 7, глава 9). Мнѣ случалось видѣть старцевъ, занимавшихся исключительно усиленнымъ тѣлеснымъ подвигомъ, и пришедшихъ отъ него въ величайшее самомнѣніе, величайшее самообольщеніе. Душевныя страсти ихъ, гнѣвъ, гордость, лукавство, непокорство, получили необыкновенное развитіе. Самость и самочиніе преобладали въ нихъ окончательно. Они съ рѣшительностію и ожесточеніемъ отвергали всѣ душеспасительнѣйшіе совѣты и предостереженія духовниковъ, настоятелей, даже святителей; они, попирая правила не только смиренія, но и скромности, самаго приличія, не останавливались выражать пренебреженіе къ этимъ лицамъ самымъ наглымъ образомъ.

Нѣкоторый египетскій инокъ, въ началѣ 4 вѣка, сдѣлался жертвою ужаснѣйшей бѣсовской прелести. Первоначально онъ впалъ въ высокоуміе, потомъ, по причинѣ высокоумія поступилъ подъ особенное вліяніе лукаваго духа. Діаволъ, основываясь на произвольномъ высокоуміи инока, озаботился развить въ немъ этотъ недугъ, чтобы при посредствѣ созрѣвшаго и окрѣпшаго высокоумія окончательно подчинить себѣ инока, вовлечь его въ душепогибель. Вспомоществуемый демономъ инокъ достигъ столь бѣдственнаго преуспѣянія, что становился босыми ногами на раскаленные угли, и, стоя на нихъ, прочитывалъ всю молитву Господню «Отче нашъ». Разумѣется: люди, не имѣвшіе духовнаго разсужденія, видѣли въ этомъ дѣйствіи чудо Божіе, необыкновенную святость инока, силу молитвы Господней, и прославляли инока похвалами, развивая въ немъ гордость и способствуя ему губить себя. Ни чуда Божія, ни святости инока тутъ не было: сила молитвы Господней тутъ не дѣйствовала: тутъ дѣйствовалъ сатана, основываясь на самообольщеніи человѣка, на ложно-направленномъ произволеніи его; тутъ дѣйствовала бѣсовская прелесть. Спросишь: какое же значеніе имѣла въ бѣсовскомъ дѣйствіи молитва Господня? Вѣдь прельщенный читалъ ее и приписывалъ дѣйствію ея совершавшееся чудо. Очевидно: молитва Господня не принимала тутъ никакого участія: прельщенный, по собственному произволенію, по собственному самообольщенію и по обольщенію демонскому употребилъ противъ себя духовный мечъ, данный человѣкамъ во спасеніе. Заблужденіе и самообольщеніе еретиковъ всегда прикрывалось злоупотребленіемъ Слова Божія, прикрывались съ утонченнымъ лукавствомъ: и въ повѣствуемомъ событіи заблужденіе человѣческое и бѣсовская прелесть, съ тою же цѣлію, прикрывались коварно молитвою Господнею. Несчастный инокъ полагалъ, что онъ стоитъ на раскаленныхъ угляхъ босыми ногами по дѣйствію молитвы Господней, за чистоту и высоту своей подвижнической жизни, а онъ стоялъ на нихъ по дѣйствію бѣсовскому. Точно такимъ образомъ самообольщеніе и бѣсовская прелесть прикрываются иногда какъ бы дѣйствіемъ молитвы Іисусовой, а невѣдѣніе приписываетъ дѣйствію этой святѣйшей молитвы то, что должно приписывать совокупному дѣйствію сатаны и человѣка, человѣка, предавшагося руководству сатаны. Упомянутый египетскій инокъ перешелъ отъ мнимой святости къ необузданному сладострастію, потомъ къ совершенному умоизступленію, и, кинувшись въ разженную печь общественной бани, сгорѣлъ. Вѣроятно: или объяло его отчаяніе, или представилось ему въ печи какое либо обманчивое привидѣніе (Четьи Минеи, житіе преп. Пахомія Великаго, мая 15-й день).

Ученикъ. Что въ человѣкѣ, какое условіе въ немъ самомъ, дѣлаетъ его способнымъ къ прелести?

Старецъ. Преподобный Григорій Синаитъ говоритъ: «Вообще одна причина прелести — гордость» (Глава 131, Доброт., ч. 1). Въ гордости человѣческой, которая есть самообольщеніе, діаволъ находитъ для себя удобное пристанище, и присоединяетъ свое обольщеніе къ самообольщенію человѣческому. Всякій человѣкъ болѣе или менѣе склоненъ къ прелести: потому что «самая чистая природа человѣческая имѣетъ въ себѣ нѣчто горделивое» (Преп. Макарій Вел., Слово 3, гл. 2).

Основательны предостереженія отцовъ! Должно быть очень осмотрительнымъ, должно очень охранять себя отъ самообольщенія и прелести. Въ наше время, при совершенномъ оскудѣніи Боговдохновенныхъ наставниковъ, нужна особенная осторожность, особенная бдительность надъ собою. Онѣ нужны при всѣхъ иноческихъ подвигахъ: наиболѣе нужны при молитвенномъ подвигѣ, который изъ всѣхъ подвиговъ — возвышеннѣйшій, душеспасительнѣйшій, наиболѣе навѣтуемый врагами. «Со страхомъ жительствуйте» (Петр. 1, 17) — завѣщаваетъ Апостолъ. Въ упражненіи молитвою Іисусовою есть свое начало, своя постепенность, свой конецъ безконечный. Необходимо начинать упражненіе съ начала, а не съ середины и не съ конца. Святѣйшій Каллистъ, патріархъ Константинопольскій, живописуя духовные плоды этой молитвы, говоритъ: «Никто, изъ ненаученныхъ тайнамъ или изъ требующихъ млека, услыша высокое ученіе о благодатномъ дѣйствіи молитвы, да не осмѣлится прикоснуться къ нему. Возбранена такая несвоевременная попытка. Покусившихся на нее, и взыскавшихъ преждевременно того, что приходитъ въ свое время, усиливающихся взойти въ пристанище безстрастія въ несоотвѣтствующемъ ему устроеніи, Отцы признаютъ не иначе, какъ находящимся въ умопомѣшательствѣ. Невозможно читать книгъ тому, кто не выучился грамотѣ» (Главы о молитвѣ, гл. 8, Добротолюбіе ч. II).

Ученикъ. Что значитъ начинать упражненіе молитвою Іисусовою съ середины и конца, и что значитъ начинать это упражненіе съ начала?

Старецъ. Начинаютъ съ середины тѣ новоначальные, которые, прочитавъ въ Отеческихъ писаніяхъ наставленіе для упражненія въ молитвѣ Іисусовой, данное Отцами безмолвникамъ, то есть, монахамъ, уже весьма преуспѣвшимъ въ монашескомъ подвигѣ, необдуманно принимаютъ это наставленіе въ руководство своей дѣятельности. Начинаютъ съ середины тѣ, которые, безъ всякаго предварительнаго приготовленія, усиливаются взойти умомъ въ сердечный храмъ, и оттуда возсылать молитву. Съ конца начинаютъ тѣ, которые ищутъ немедленно раскрыть въ себѣ благодатную сладость молитвы и прочія благодатныя дѣйствія ея. Должно начинать съ

начала, то есть, совершать молитву со вниманіемъ и благоговѣніемъ, съ цѣлію покаянія, заботясь единственно о томъ, чтобы эти три качества постоянно соприсутствовали молитвѣ. Такъ и святый Іоаннъ Лѣствичникъ, этотъ великій дѣлатель сердечной благодатной молитвы, предписываетъ находящимся въ послушаніи молитву внимательную, а созрѣвшимъ для безмолвія молитву сердечную. Для первыхъ онъ признаетъ невозможною такую молитву, чуждую разсѣянности, а отъ вторыхъ требуетъ такой молитвы (Лѣствица, Слово 4, глава 93 и Слово 27, главы 6, 46, 60, 62). Въ обществѣ человѣческомъ должно молиться однимъ умомъ, а наединѣ — и умомъ и устами, нѣсколько вслухъ себѣ одному (Святѣйшаго Каллиста «О молитвѣ вкратцѣ» Добротолюбіе, ч. 4). Особенное попеченіе, попеченіе самое тщательное должно быть принято о благоустроеніи нравственности сообразно ученію Евангелія. Опытъ не замедлитъ открыть уму молящагося тѣснѣйшую связь между заповѣдями Евангелія и молитвою Іисусовою. Эти заповѣди служатъ для этой молитвы тѣмъ, чѣмъ служитъ елей для горящаго свѣтильника: безъ елея свѣтильникъ не можетъ быть возженъ; при оскудѣніи елея не можетъ горѣть; онъ гаснетъ, разливая вокругъ себя дымъ зловонный. Образуется нравственность по ученію Евангелія очень удобно при прохожденіи монастырскихъ послушаній, когда послушанія проходятся въ томъ разумѣ, въ какомъ заповѣдано проходить ихъ святыми Отцами. Истинное послушаніе служитъ основаніемъ, закопною дверью для истиннаго безмолвія (Свв. Каллистъ и Игнатій Ксанфопулы, гл. 15, Добротолюбіе, ч. 2). Истинное безмолвіе состоитъ въ усвоившейся сердцу Іисусовой молитвѣ — и нѣкоторые изъ святыхъ Отцовъ совершили великій подвигъ сердечнаго безмолвія и затвора, окруженные молвою человѣческою (Таковы были: Алексѣй, Человѣкъ Божій, св. Іоаннъ Кущникъ, преп. Виталій монахъ и др. Лѣствица, Слово 4, гл. 36). Единственно на нравственности, приведенной въ благоустройство Евангельскими заповѣдями, единственно на этомъ твердомъ камнѣ Евангельскомъ, можетъ быть воздвигнутъ величественный, священный, невещественный храмъ Богоугодной молитвы. Тщетенъ трудъ зиждущаго на пескѣ: на нравственности легкой, колеблющейся (Матѳ. 7, 26). Нравственность, приведенную въ стройный, благолѣпный порядокъ, скрѣпленную навыкомъ въ исполненіи евангельскихъ заповѣдей, можно уподобить несокрушимому серебряному или золотому сосуду, который, одинъ только, способенъ достойно принять и благонадежно сохранить въ себѣ безцѣнное, духовное мѵро: молитву.

Святый Симеонъ Новый Богословъ, разсуждая о случающейся безуспѣшности молитвеннаго подвига и о плевелахъ прелести, возникающихъ изъ него, приписываетъ причину и безуспѣшности и прелести несохраненію правильности и постепенности въ под-

вигѣ. «Хотящіе взойти», — говоритъ Богословъ, — «на высоты молитвеннаго преуспѣянія, да не начинаетъ идти сверху внизъ, но да восходятъ снизу вверхъ, сперва на первую ступень лѣствицы, потомъ на вторую, далѣе на третью, наконецъ на четвертую. Такимъ образомъ всякій можетъ возстать отъ земли, и взойти на небо. Во-первыхъ онъ долженъ подвизаться, чтобы укротить и умалить страсти. Во-вторыхъ онъ долженъ упражняться въ псалмопѣніи, то есть въ молитвѣ устной: когда умалятся страсти, тогда молитва, естественно доставляя веселіе и сладость языку, вмѣняется благоугодною Богу. Въ-третьихъ онъ долженъ заниматься умною молитвою». Здѣсь разумѣется молитва, совершаемая умомъ въ сердцѣ: молитву внимательную новоначальныхъ, при сочувствіи сердца, Отцы рѣдко удостоиваютъ наимнованія умной молитвы, причисляя ее болѣе къ устной. «Въ-четвертыхъ онъ долженъ восходить къ видѣнію. Первое составляетъ принадлежность новоначальныхъ; второе — возрастающихъ въ преуспѣяніе; третье — достигшихъ крайняго преуспѣянія; четвертое — совершенныхъ». Далѣе Богословъ говоритъ, что и подвизающиеся о умаленіи страстей должны пріобучаться къ храненію сердца и къ внимательной молитвѣ Іисусовой, соотвѣтствующей ихъ устроенію (Слово о трехъ образахъ вниманія и молитвы, въ статьѣ о третьемъ образѣ, въ концѣ статьи — Лѣствица, Слово 27, гл. 33). Въ общежитіяхъ Пахомія Великаго, произведшихъ возвышеннѣйшихъ дѣлателей умной молитвы, каждаго вновь поступившаго въ монастырь во-первыхъ занимали тѣлесными трудами, подъ руководствомъ старца, въ теченіи трехъ лѣтъ. Тѣлесными трудами, частыми наставленіями старца, ежедневною исповѣдью внѣшней и внутренней дѣятельности, отсѣченіемъ воли обуздывались страсти могущественно и быстро, доставлялась уму и сердцу значительная чистота. При упражненіи въ трудахъ преподавалось новоначальному соотвѣтствующее устроенію его дѣланіе молитвы. По истеченіи трехъ лѣтъ требовалось отъ новоначальныхъ изученіе наизусть всего Евангелія и псалтыри, а отъ способныхъ и всего Священнаго Писанія, что необыкновенно развиваетъ устную внимательную молитву. Уже послѣ этого начиналось тайноученіе умной молитвѣ: объяснялось оно обильно и Новымъ и Ветхимъ Завѣтами *) Такимъ образомъ монахи вводились въ правильное пониманіе умной молитвы и въ правильное упражненіе ею. Отъ прочности основанія и отъ правильности въ упражненіи — дивнымъ было преуспѣяніе (Заимствовано изъ повѣданій преп. Кассіана Римлянина).

---

*) Это явствуетъ изъ писаній преп. Кассіана Римлянина, преп. Орсисія, преп. Исаіи Отшельника идругихъ святыхъ иноковъ, получившихъ иноческое образованіе въ египетскихъ монастыряхъ.

Ученикъ. Имѣется ли какое вѣрное средство къ предохраненію себя отъ прелести вообще, при всѣхъ подвигахъ монашескихъ, и въ частности при упражненіи молитвою Іисусовою?

Старецъ. Какъ гордость есть вообще причина прелести: такъ смиреніе — добродѣтель, прямо противоположная гордости — служитъ вѣрнымъ предостереженіемъ и предохраненіемъ отъ прелести. Святый Іоаннъ Лѣствичникъ назвалъ смиреніе «погубленіемъ страстей» (Лѣствица, заглавіе 25 Слова). Очевидно, что въ томъ, въ комъ не дѣйствуютъ страсти, въ комъ обузданы страсти; не можетъ дѣйствовать и прелесть: потому что прелесть есть страстное или пристрастное уклоненіе души ко лжи на основаніи гордости.

При упражненіи же молитвою Іисусовою и вообще молитвою, вполнѣ и со всею вѣрностію предохраняетъ видъ смиренія, называемый плачемъ, Плачъ есть сердечное чувство покаянія, спасительной печали о грѣховности и разнообразной, многочисленной немощи человѣка. Плачъ есть «духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно», которое «Богъ не уничижитъ» (Псал. 50, 19), то есть, не предастъ во власть и поруганіе демонамъ, какъ предается имъ сердце гордое, исполненное самомнѣнія, самонадѣянности, тщеславія. Плачъ есть та единственная жертва, которую Богъ принимаетъ отъ падшаго человѣческаго духа, до обновленія человѣческаго духа Святымъ Божіимъ Духомъ. Да будетъ наша молитва проникнута чувствомъ покаянія, да совокупится она съ плачемъ, — и прелесть никогда не воздѣйствуетъ въ насъ. Святый Григорій Синаитъ, въ послѣдней статьѣ своего сочиненія (Добротолюбіе, ч. I), въ которой изложены имъ для подвижниковъ молитвы предостереженія отъ душепагубной прелести, говоритъ: «Не малый трудъ — достигнуть точно истины, и содѣлаться чистымъ отъ всего, сопротивнаго благодати: потому что обычно діаволу показывать, особливо передъ новоначальными, свою прелесть въ образѣ истины, давая лукавому видъ духовнаго. По этой причинѣ подвизающійся въ безмолвіи достичь чистой молитвы, долженъ шествовать мысленнымъ путемъ молитвы со многимъ трепетомъ и плачемъ, съ испрошеніемъ наставленія у искусныхъ, всегда плакать о своихъ грѣхахъ, печалясь и боясь, какъ бы не подвергнуться мукѣ, или не отпасть отъ Бога, не отлучиться отъ Него въ этомъ или будущемъ вѣкѣ. Если діаволъ увидитъ, что подвижникъ живетъ плачевно: то не пребываетъ при немъ, не терпя смиренія, происходящаго отъ плача... Великое оружіе — имѣть при молитвѣ и плачъ. Непрелестная молитва состоитъ въ теплотѣ съ молитвою Іисусовою, которая (молитва Іисусова) и влагаетъ огнь въ землю сердца нашего, въ теплотѣ, попаляющей страсти, какъ терніе, производящей въ душѣ веселіе и тихость. Теплота эта не приходитъ съ правой или съ лѣвой стороны и не сверху, но прозябаетъ въ самомъ сер-

дцѣ, какъ источникъ воды отъ Животворящаго Духа *). Возлюби ее единую найти и стяжать въ сердцѣ, соблюдая твой умъ присно-немечтательнымъ, чуждымъ разумѣній и помышленій, и не бойся. Сказавшій: «Дерзайте, Азъ есмь, не бойтеся» (Матѳ. 14, 27), Онъ — съ нами. Онъ — Тотъ, Кого мы ищемъ. Онъ всегда защититъ насъ, — и мы не должны бояться или воздыхать, призывая Бога. Если нѣкоторые и совратились, подвергшись умоповрежденію; то знай, что они подверглись этому отъ самочинія и высокомудрія». Нынѣ, по причинѣ совершеннаго оскудѣнія духоносныхъ наставниковъ, подвижникъ молитвы вынужденъ исключительно руководствоваться Священнымъ Писаніемъ и писаніями Отцовъ (Преп. Нилъ Сорскій, предисловіе къ преданію). Это — гораздо труднѣе. Новая причина для сугубаго плача!

---

*) Духовная теплота — достояніе весьма преуспѣвшихъ иноковъ, подвизающихся въ безмолвіи, для которыхъ написана и вся книга святаго Григорія Синаита, а отнюдь не достояніе новоначальныхъ. Новоначальные должны довольствоваться тѣмъ, если будутъ молиться со вниманіемъ и умиленіемъ. О теплотѣ смотри въ «Словѣ о Іисусовой Молитвѣ». Аскетическіе опыты, т. 2.

Выписывайте со склада монастыря англійскія изданія:

1. **Writings form the Philokalia.** Translated by E. Kadlubovsky and G. E. H. Palmer. Faber,, & Faber, Ltd. 6.00
2. **Early Fathers from the Philokalia,** with some writings of St Abba Doroteus, St Isaac of Syria and St Gregory Palamas. Selected and translated from the Russian text **Dobrotolubie** by E. Kadlubovsky and G. E. H. Palmer. Faber & Faber, Ltd. 7.00
3. **My Life in Christ,** or Moments of Spiritual Serenity and Contemplation, of Reverent Feeling, of Earnest Self-Amendment, and of Peace in God. Extracts from the Diary of the Most Reverend **John Iliytch Sergieff.** Part I. 2.50
4. **The Assumption of our Most Holy Lady, the Mother of God and Ever-Virgin Mary.** (Translated form the Monology of St Dimitry of Rostov). 1951.... 0.20
5. **"The Orthodox Life."** — Religious Magazine issued every two months. Subscription price $2.00 yearly. Single issue..... 0.35
6. **All back numbers of "Orthodox Life," from No 1 to 6, 1950, 52, 53, 54, 55, 56, 57** and **58.** (Each number) 0.30
7. **"The Witness of Jehovah,"** by Prof. Kolesnikoff. 0.15
8. **'The Bride of Christ."** — Chrysostomos H. Stratman. 1949, 29 pages. 0.20
9. **A Prayer Book for Orthodox Christians** (First issue) 0.50
10. **A Prayer Book for Orthodox Christians** (Second issue). 0.50
11. **Akathistes to Our Sweetest Lord Jesus Christ and to Our Most Holy Lady Mother of God.** 0.25
12. **The Orthodox Catholic Faith,** by The Very Rev. Damian Krehel. 1953. ..... 0.75
13. **The Church is One,** by A. S. Khomiakov. 1953... 1.00
14. **A Wonderful Revelation to the World.** (Conversation of St Seraphim with N. A. Motovilov). 0.25
15. **The Passion and Miracles of the Great Martyr and Victorious Wonderworker Saint George.** 0.20
16. **Life of Our Holy Father Seraphim of Sarov.** (With Akathist). 0.50
17. **Saint Basil the Blessed Foll for Christ's Sake,** Wonderworker of Moscow. 0.10
18. **Orthodox-Christian Apologetics,** by Prof. Ivan M. Andreyev. (Translated by Michael P. Hilko)..... 1.00